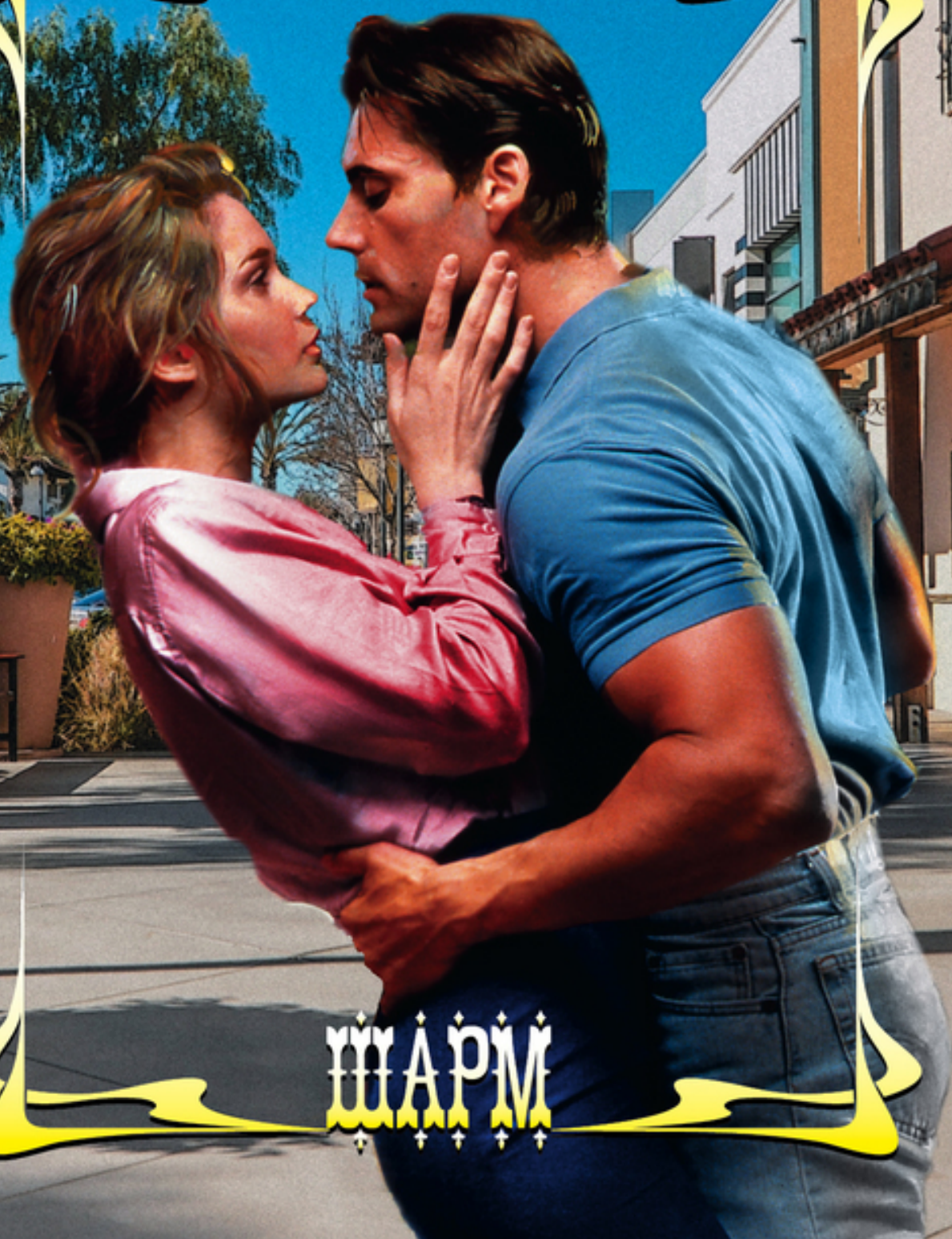

ДЖИЛЛ ШЕЛВИС

Запретное Желание

ШАРМ

Джилл Шелвис

Запретное желание

«АСТ»

2009

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шелвис Д.

Запретное желание / Д. Шелвис — «АСТ», 2009

ISBN 978-5-17-094653-2

Эмма Синклер, блестящий врач, вынуждена вернуться в провинциальный городок своего детства, чтобы позаботиться о больном отце и на некоторое время заменить его в клинике, где лечатся от всех болезней взрослые, дети и даже домашние животные. Понятно, что Эмме вообще некогда скучать. Но она окончательно теряет покой, когда ее пациентом становится неотразимый красавец Стоун Уайлдер – мужчина, намеренный перейти в отношениях с очаровательной докторшей на куда более романтический уровень, чем предполагает врачебная этика...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-094653-2

© Шелвис Д., 2009
© АСТ, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джилл Шелвис

Запретное желание

Jill Shalvis

Instant Gratification

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Jill Shalvis, 2009

© Перевод. Е.А. Ильина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

С самого утра изнывающая от жары и пребывающая в дурном расположении духа Эмма Синклер повесила табличку «Открыто» на дверь клиники отца. Часы показывали ровно восемь часов, и Эмма по привычке приготовилась к наплыву пациентов.

Только вот подобное вряд ли произойдет. Только не здесь, не в Мэйберри.

Вернее, в городке Вишфул, штат Калифорния, где, как она знала, койоты и медведи бродят по улицам прямо средь бела дня. Эмма не раз слышала койотов рано поутру, и от их зловещего воя волосы вставали дыбом у нее на затылке. Но что еще более ужасно – она видела, как они следили за ней из леса, окружающего дом, и голодный блеск их глаз заставлял ее отчаянно скучать по Нью-Йорку, где самыми опасными хищниками были грязные попрошайки на улицах.

Медведей Эмма пока не видела, но у каждого посетителя, переступавшего порог клиники, был припасен красочный рассказ об их появлении в городе, так что встреча с этим лесным хищником была лишь вопросом времени. Хотя чем позже это произойдет, тем лучше. Включив компьютер, Эмма мечтательно вздохнула при воспоминании о суете и суматохе, царящих в отделении «Скорой помощи» на Манхэттене, где за всю смену ей в буквальном смысле слова не удавалось присесть ни на минуту. Она ставила пациентам капельницы, приводила их в сознание с помощью дефибриллятора, промывала и зашивала раны, взбадриваясь время от времени очередной порцией кофе.

Да, все это было у нее в Нью-Йорке. Идущая в гору карьера, потрясающая квартира рядом с Центральным парком и насыщенные событиями смены в одном из лучших отделений «Скорой помощи» в стране. Больше и желать было нельзя.

И вдруг судьба от нее отвернулась, забросив на другой конец страны, в глубь Калифорнийских гор, и заставив тосковать по кофе из «Старбакса» и тайской еде навынос. Эмма действительно тосковала по толпам людей, вечным пробкам и последним поездкам, на которые приходилось запрыгивать поздней ночью; тосковала по спискам блюд, висевшим на ее пустом холодильнике, которые она могла получить в любое время дня и ночи, стоило лишь набрать номер.

В Вишфуле никто не доставлял еду на дом. И что еще хуже – здесь не было закусочных быстрого питания, где можно было получить еду, не выходя из автомобиля. Для этого Эмме пришлось бы ехать тридцать с лишним миль по Южному побережью, к озеру Тахо. А это означало, что ей – весьма отвратительному кулинару – вполне могла грозить смерть от голода.

Эмма очень скучала по Нью-Йорку, но еще больше тосковала по своей матери – этой казавшейся непобедимой женщине, воспитывавшей Эмму без мужа, работавшей день и ночь медсестрой, которая в конечном итоге совершила нечто невероятное. А именно – умерла от рака, одной из тех немногих болезней, с которой Эмма не в состоянии была справиться.

При воспоминании о матери у Эммы сдавило горло. Она пересекла приемную выстроенной в викторианском стиле и обставленной в лучших сельских традициях клиники. Ничто не изменилось здесь с начала восьмидесятых, разве что оборудование. Да и оно вызывало у Эммы некоторые сомнения. Девушка раздвинула украшенные изображениями уток плотные голубые шторы, впуская в помещение свет июньского солнца. Интересно, что принесет сегодняшний день? Очередной пчелиный укус? Или кишечный грипп – для разнообразия?

Проблема заключалась в том, что жители Вишфула воспринимали ее как маленькую дочурку доктора, поэтому вели себя с ней как с простой квартиросъемщицей и норовили обсудить последние новости или поговорить о ее отце, чего Эмме совершенно не хотелось.

Проклятье! Она бы дорого дала за паралич или сердечный приступ – за что-то действительно стоящее, к чему смогла бы применить свои знания и квалификацию.

Висящий над дверью дурацкий керамический колокольчик, выполненный в виде коровы, звякнул, и на пороге возникла парочка мужчин, один из которых поддерживал другого. Вишфул был невелик, и после двух месяцев жизни здесь Эмма познакомилась почти со всеми его жителями, включая братьев Уайлдер. Ти Джей Уайлдер – высокий широкоплечий здоровяк – поддерживал своего столь же высокого и широкоплечего брата Стоуна, покрытого смешанной с грязью кровью, капавшей на пол приемной.

Стоун прихрамывал и корчился от боли, но лишь до тех пор, пока не увидел стоящую за стойкой женщину. Его лицо тут же стало непроницаемым.

– Привет, – пробормотал он. – Как жизнь?

Ну вот. Наконец что-то гораздо более стоящее, нежели болтливый сосед, желающий обсудить сплетни, в то время как настоящая жизнь бурлит где-то на Южном побережье. Наконец что-то более серьезное, нежели ожог после прикосновения к ядовитому растению, – то, с чем Эмма почти каждый день сталкивалась на прежнем месте работы. Она быстро подошла к Стоуну и перекинула его руку через свое плечо, чтобы поддержать. У него были очень большие, сильные, загрубевшие от работы руки.

– В первую смотровую, – скомандовала Ти Джею Эмма, минуя стойку и сворачивая в коридор, в котором располагались две смотровые. – Что произошло?

Ти Джей открыл рот, чтобы ответить, но Стоун опередил его:

– Мне нужно всего лишь несколько полосок пластыря.

– Вот как. – Без их с Ти Джем помощи Стоун наверняка рухнул бы на пол. Но Эмма уже привыкла к упрямым пациентам, большинство из которых были представителями мужского пола. – Значит, вы можете идти самостоятельно?

В ответ Стоун умудрился надменно вскинуть бровь, но лишь одну, ибо вторая была рассечена и сильно кровоточила.

– Зачем мне это, если гораздо забавнее позволить вам меня поддержать? – С этими словами Стоун навалился на Эмму всем своим весом, который, как она прикинула, составлял примерно сто девяносто фунтов. И все это сплошные мышцы и ни капли жира. – Вы мягче, чем старина док Синклер, – пробормотал раненый.

Верно. Хотя и ее отец был достаточно мягок. Более того, именно из-за его доброго сердца Эмма оказалась здесь. И речь вовсе не о сердечном приступе, который он перенес два месяца назад. Вот тогда-то Эмма и приехала сюда, чтобы вести дела клиники в отсутствие отца.

Нет, речь шла о неспособности отца сосредоточиться на действительно важных вещах: например, на счетах за оказанные услуги, неоплата которых грозила ему банкротством. За то время, что находилась в Вишфуле, Эмма уже поняла, что отец довольно часто вообще не выписывал счета. Только вот она не повторит подобной ошибки. Ни за что.

– В данный момент рядом с вами я, а не он.

– Все в порядке. – Стоун взглянул на Эмму. – Он всегда говорил, что вы лучше его.

– Вот как? Он действительно так говорил?

– Да.

Странно, но мысль о том, что отец сказал о ней такое, немного согрела душу Эммы. Они с отцом не слишком-то хорошо знали друг друга. Кроме профессии, у них не было ничего общего. Ее отцу нравилось спокойствие и неспешное течение жизни маленького городка, в то время как Эмма жить не могла без суеты и весьма насыщенных, интересных смен в отделении «Скорой помощи».

– Что с вами случилось, Стоун? Кто это сделал?

– Никто. – Голос раненого звучал тихо и хрипло, словно каждый шаг доставлял ему боль. – Со мной все в порядке.

В этом был весь Уайлдер: высокий, мускулистый, сексуальный и при этом невыносимо упрямый.

Из трех братьев Эмме больше всего нравились Кен и Ти Джей. Наверное потому, что почти все время проводили за городом.

Но Стоун... Невероятно обворожительный и харизматичный, он был крайне необуздан, что как нельзя кстати соответствовало его фамилии¹ и ужасно раздражало Эмму. А еще он оказался ужасно несговорчивым. Брось такого в любой точке планеты, и он непременно выживет, будьте уверены. Такой мужчина, без сомнения, вызывал бы восхищение у любой другой женщины, но Эмма предпочла бы более спокойного и утонченного парня, желательно врача, который понимал бы ее.

Впрочем, все это не имело никакого значения. Ведь Стоун – пациент, а не потенциальный любовник, поэтому Эмма указала на стол. Хотя через такой слой грязи осматривать его будет весьма затруднительно.

– Нужно снять с него грязную одежду, – обратилась она к Ти Джею и направилась к шкафчику, чтобы надеть халат.

Стоун не стал сопротивляться, когда брат уложил его на спину.

– Мне нужно всего несколько полосок пластыря. Знаете что? Дайте мне коробку, а взамен я бесплатно устрою для вас экскурсию. Какую пожелаете. Только назовите.

Уайлдеры владели компанией, занимающейся организацией экстремальных экскурсий. И, по мнению Эммы, это означало, что им платят деньги за катание на лыжах и велосипедах. Так что целыми днями они только и делали, что развлекались на свежем воздухе.

Она каталась на лыжах, но этим и заканчивалось ее знакомство с подвижными видами спорта.

– Не думаю, что это хорошая идея, – возразила Эмма, доставая лоток с инструментами.

– Да бросьте. Свежий воздух пойдет вам на пользу. – Голос Стоуна звучал так, словно слова давались ему с трудом. – Как насчет восхождения на гору или прогулки на горном велосипеде?

Эмма понимала, насколько привлекательна и живописна окружающая местность, но в ее мире, куда она так отчаянно стремилась вернуться, у нее не было времени на подобные забавы.

– Давайте сосредоточимся на ваших ранах.

Губы Стоуна изогнулись в неспешной улыбке, ослабленной болью и все же невероятно сексуальной.

Все, что он делал, было неспешно и сексуально, легко и неторопливо. Так неторопливо, что возникала необходимость проверить у него пульс.

Только вот она не станет этого делать. Уайлдеры были потрясающими и невероятно опасными сердцеедами. Да, Эмма не могла остаться равнодушной к чарам Стоуна, но она большая девочка и сможет ему противостоять. Не теряя времени даром, Эмма подошла к раковине и принялась намыливать руки.

Хватит с нее того, что она пыталась удержать клинику на плаву и помочь отцу восстановиться после болезни, что оказалось весьма нелегко. Ведь в свои шестьдесят с небольшим лет он все еще считал, будто ему двадцать, и вместо того чтобы лежать в постели, целыми днями гулял и удил рыбу.

¹ Уайлдер от *англ. Wild* – дикий. – *Здесь и далее примеч. пер.*

За последние пару месяцев Эмма виделась с ним гораздо чаще, чем за всю прежнюю жизнь. А он все не выздоравливал, чем очень ее тревожил. Ведь она хотела видеть его в добром здравии и полным сил.

Эмма хотела, чтобы он вернулся к работе и она могла вернуться к своей.

К сожалению, все оставалось как и два месяца назад. В дополнение к основному виду деятельности Эмме пришлось взять на себя всю бумажную рутину, ибо документы отца пребывали в ужасном беспорядке. Счета и назначения были сложены совершенно бессистемно, так что отыскать среди них нужный не представлялось возможным. Видимо, отец принимал наличные, кредитки и, если она правильно поняла... запеканку. Запеканку! Ею был забит весь холодильник, и уже дважды на этой неделе кто-то принес свежую вместо денег, в которых так отчаянно нуждалась клиника.

Отец только посмеялся над тревогами Эммы, сказав, что одинокому мужчине не мешает время от времени насладиться домашней едой.

Господи, да он мог питаться запеканкой каждый день, а запасы все равно бы не иссякли.

Их хватит и на ее долю. Что ж, голодная смерть ей, пожалуй, не грозит. А вот за состояние своих сосудов после поедания жирного блюда Эмма поручиться не могла.

Она насухо вытерла руки, взяла с полки пузырек с антисептиком и направилась к пациенту, который, очевидно, страдал от ужасной боли. Стоун лежал на столе с перекошенным лицом. Судя по всему, его попытки изобразить безразличие не увенчались успехом.

Сочувственно поджав губы, Эмма принялась обрабатывать глубокую рану над левой бровью. Она смачивала ее стерильной водой и осторожно вытирала кровь до тех пор, пока Стоун не втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

– Полегче, док.

Она и так старалась действовать осторожно. В этом и состояла суть ее работы.

– Это нужно зашить.

Ти Джей кивнул.

– Нет уж, спасибо. – Стоун говорил достаточно легко, только вот слова вырывались наружу сквозь плотно стиснутые зубы. – Просто покажите мне, где у вас лежит пластырь. Я серьезно.

– Серьезно? – насмешливо переспросила Эмма. – Пластырь тут не поможет. – Она положила руки пациенту на плечи, чтобы не дать возможности подняться. Под ее пальцами перекачивались тугие, вздыбившиеся от напряжения мускулы. – Нам необходимо промыть раны, обработать стерильным раствором, сделать снимок и уж только потом оценить ваше состояние, Стоун. Иначе никак.

– Важное заявление. – Стоун одарил Эмму обворожительной улыбкой. – А как насчет того, чтобы немного притормозить, расслабиться и, возможно, сделать глубокий вдох? Я всего лишь слегка поцарапался.

– Тебе необходимо наложить швы, – произнес Ти Джей. – И ты это знаешь. – В его кармане завибрировал мобильный. Ти Джейн вытащил его, взглянул на экран и раздраженно посмотрел на брата. – Ты перевел все звонки из офиса на мой телефон.

– Твоя очередь.

– Нет, твоя очередь. Всегда твоя очередь.

– Точно, – ответил Стоун. – Ответь. Это может быть важно. Возможно, это звонит клиент, чьи карманы набиты деньгами. Или очередная поклонница. – Заскрежетав зубами, Стоун прикрыл глаза, а его лицо побледнело и покрылось испариной. – Было бы забавно. Включи громкую связь.

– Это может подождать, – возразил Ти Джей. – Я должен убедиться, что ты должным образом обращаешься с нашим очаровательным доктором.

– Просто ответь на этот проклятый звонок. Я буду вести себя прилично.

Ти Джей взглянул на Эмму. Очевидно, он нарочно злил брата, чтобы отвлечь его от боли. Милый. Уравновешенный. Да. Ти Джей определенно был ее любимым Уайлдером.

– Я справлюсь. Все в порядке.

На лице Ти Джея отразилось сомнение.

– Он тот еще фрукт.

– Я прекрасно справляюсь с такими.

Ти Джей одобрительно рассмеялся, и Стоун вздохнул:

– Я все еще здесь.

Во время разговора Эмма не переставала осматривать пациента. Она не нашла больше никаких повреждений на голове. Хорошо. На подбородке Стоуна красовался огромный синяк – скорее всего не единственный.

– Опасности для жизни нет, – заверила Эмма Ти Джея, а затем украдкой бросила взгляд на Стоуна, который сердито бормотал себе под нос что-то насчет проклятого пластыря. – Если только я не зашью ему рот.

Изобразив на лице насмешливое сочувствие, Ти Джей кивнул и вышел из смотровой, чтобы ответить на звонок.

– Я думал, он никогда не уйдет.

Не обращая внимания на слова пациента, Эмма подняла его рубашку.

Ее взору открылся рельефный пресс, покрытый грязью, но не кровью. Вся кожа Стоуна была испещрена царапинами, как если бы он проехался по асфальту, и наверняка причиняла ужасную боль.

Он крепко сжал запястье Эммы, и она оторвала взгляд от ран. Калифорнийский серфер встретил ангела. Его беззаботность и потрясающая внешность представляли собой убийственное сочетание. А может, виной всему были его каштановые волосы, выцветшие на солнце до золотистого цвета. Спутавшиеся от ветра, необузданные, они так и манили провести по ним пальцами. Или сильный волевой подбородок, покрытый двухдневной щетиной. Или же бездонные зеленые глаза, заставляющие человека – а в данном случае сварливого доктора – думать, будто они могут заглянуть в душу.

А еще этот взгляд...

Да. Эмма сразу поняла, что этот мужчина станет для нее роковым.

– Не стоит так обо мне беспокоиться, – произнес Стоун. – Раны на мне заживают как на собаке.

И Эмма поверила. Ее пациент находился в превосходной физической форме, мускулистый и крепкий. Род его деятельности позволял предположить, что мускулы эти были приобретены не в тренажерном зале. Их породила ежедневная физическая активность. Эмма дотронулась до ребер пациента, и тот поморщился.

– Вы упали?

– Падения – это образ жизни такого парня, как я.

– Такого парня, как вы?

Стоун судорожно втянул носом воздух, когда Эмма начала ощупывать его торс.

– Да. Бездельника-скалолаза.

На поджаром теле пациента не было ни малейшего намека на жир, поэтому Эмма с легкостью нащупала ребра. Когда ее пальцы прошли по ним, плоский живот Стоуна судорожно приподнялся, а потом опал.

– Стоун?

Он открыл глаза.

– Расскажите, что случилось, – попросила Эмма, наблюдая за зрачками пациента.

– Это довольно запутанная история.

Эмма родилась в этих краях, но воспитывалась в Нью-Йорке закаленной в жизненных передрыгах женщиной, не признающей нытья и жалоб. Кроме того, за свою жизнь Эмма повидала столько, что ее уже ничто не могло удивить.

– Думаю, я разберусь.

Стоун вновь резко выдохнул, когда Эмма нажала на его ребра.

– Все это как в тумане.

Нахмурившись, Эмма посмотрела на шишку на его голове.

– Как в тумане? У вас кружится голова? Круги перед глазами?

– Нет.

Эмма вновь проверила зрачки.

– Вы не можете вспомнить, что случилось?

– Ну... – Стоун слабо улыбнулся. – Все дело в трех ненормальных девицах.

Подняв глаза, Эмма успела заметить, как дрогнули губы ее пациента.

– Три девицы, – повторила она.

– Угу.

Эмма прищурилась.

– И?..

– Они набросились на меня в «Мудиз бар энд грилл».

Речь шла о единственном в округе баре, в котором сосредоточивалась вся ночная жизнь городка. Эмма вновь оглядела многочисленные царапины.

– Черт возьми, вы подрались.

Стоун рассмеялся, а потом судорожно втянул носом воздух.

– О господи! От смеха мне совсем не лучше.

– Значит, перестаньте смеяться.

Футболка, предназначенная для езды на горном велосипеде, плотно облегла тело Стоуна, так что снять ее, не причинив ему боли, не представлялось возможным. К тому же она была изрядно порвана. Посему Эмма решительно взялась за ножницы.

– Эй, послушайте...

Эмма разрезала футболку по центру, и ее взгляду открылись другие кровотокающие ссадины, покрытые перемешанной с грязью запекшейся кровью.

Самый настоящий рассадник инфекции.

Эмма ощупала верхние ребра.

– На перелом не похоже, – пробормотала она, заметив, что одно из ребер все же причиняло Стоуну боль. – Подождите-ка...

– Господи.

– Да, судя по всему, тут трещина, – произнесла Эмма, когда Стоун позеленел и прикрыл глаза. – Сделаем снимок. Но сначала займемся раной на голове. Я сделаю обезболивающий укол. А потом наложу швы.

Стоун мгновенно открыл глаза, которые приобрели теперь оттенок нефрита.

– Иголкой?

– Именно с ее помощью обычно накладывают швы.

– Я бы предпочел быстросействующий клей. В прошлом году я заклеивал порез вот тут... – Стоун указал окровавленной рукой на подбородок. – Зажило как по мановению волшебной палочки.

– И об этом свидетельствует шрам. – Эмма наклонилась, чтобы рассмотреть получше. – Не волнуйтесь, я делаю это хорошо. Чертовски хорошо. Так что у вас не останется шрама.

– Ничего не имею против шрамов.

– И все же не стоит уродовать красивое лицо. – Эмма подала Стоуну халат. – А пока вам нужно раздеться.

– Но сначала вы купите мне ужин.

Эмма бросила на пациента суровый взгляд, который, однако, не возымел действия, потому что Стоун вновь закрыл глаза. Его лицо приобрело зеленоватый оттенок, а губы побелели от напряжения. Эмма вздохнула.

– Хотите, чтобы я позвала на помощь Ти Джея?

– Я справлюсь. – Поморщившись, Стоун сел. Он повел широкими плечами, чтобы освободиться от испорченной футболки, и выхватил из рук доктора халат. Эмма именно этого и ждала. По опыту она знала, что мужчины редко просят о помощи. Даже истекая кровью.

Эмма услышала за спиной какой-то шорох и тихие хриплые ругательства. Обернувшись, она увидела сражающегося с кроссовками Стоуна. Иначе это действие нельзя было назвать, ибо шнурки никак не хотели развязываться в его скользких от крови пальцах. Эмма подошла к нему, чтобы помочь, не сводя глаз с ужасных царапин под шортами – единственным предметом одежды, который все еще оставался на пациенте.

Эмма видела бесчисленное количество обнаженных тел – молодых, старых и в полном расцвете сил, – но при этом никогда не испытывала сексуального возбуждения.

Ее лучший друг и коллега, время от времени исполнявший роль любовника, доктор Спенсер Дженкс, ей не верил, но это была правда. Эмму просто-напросто не привлекали мужчины, нуждавшиеся в медицинской помощи.

Очаровывали – да.

Заставляли волноваться – всегда.

Привлекали?

Никогда.

До сегодняшнего дня.

И дело было вовсе не в облаканных солнцем золотистых прядях, пронзительно-зеленых глазах или мускулистом мужественном теле.

Честно говоря, Эмма не знала, что именно ее привлекает в этом мужчине, но зато точно знала, что беспокоит. Он не в ее вкусе. Совсем. Стоун слишком нетороплив и беззаботен. А еще он слишком несерьезно и игриво относится к жизни, что свидетельствовало о его бессодержательности.

Господи, да он зарабатывал на жизнь катанием на велосипеде и лыжах.

Такие парни никогда не вызывали у Эммы интереса или симпатии. Но тогда почему сейчас по ее спине пробежала эта дрожь предвкушения... нет, даже вожделения? Почему оно вообще возникло? Скорее всего этому было какое-то научное объяснение. Но Эмма не желала разгадывать эту загадку и сочла свои ощущения совершенно такими же неуместными, как и Стоун, пытавшийся надеть халат и морщившийся при каждом движении.

Девушка покачала головой и подошла ближе.

– Пока не стоит его надевать. Он все равно прилипнет к ранам. – Эмма взяла в руки коробку с иглами, и Стоун замер, не сводя глаз с ее рук.

– Мне это не нужно, – наконец вымолвил он.

Все они так говорят. Эмма набрала в шприц лидокаин.

– Когда вам в последний раз делали прививку от столбняка?

Все еще не отрывая взгляда от иглы, Стоун покачал головой.

– Не помню. Но со мной все в порядке.

Подбоченившись, Эмма оглядела истекающего кровью пациента. Он был высок и, как она успела заметить, сплошь состоял из упругих мышц. Она знала, что до своего ранения он двигался с грациозной легкостью и держался уверенно и непринужденно. Господи, да она собственными глазами видела, как он неся по горному склону и выглядел при этом так, словно прогуливался по дорожке в парке.

И, несмотря на это, его пугал вид иглы.

Это обстоятельство наверняка развеселило бы Эмму, если бы она не волновалась так из-за стоящей перед ней задачей. Ей необходимо должным образом позаботиться о пациенте, и без укола тут не обойтись.

– Закройте глаза.

– Нет.

Интересно, сможет ли она его удержать? Эмма никогда не испытывала проблем с обезживанием пациентов, чему в немалой степени поспособствовал опыт общения с наркоманами, частенько попадавшими в отделение «Скорой помощи». Но Стоун был слишком крупным для нее.

– Обещаю сделать все очень быстро.

– Ну да. Только я в этом не уверен. – С этими словами он попытался отодвинуться назад, однако скованность его движений говорила о том, что ребра, должно быть, пронзала нестерпимая боль.

– Стоун...

– В самом деле, – пробормотал он, и его лоб покрылся испариной, а зрачки расширились, – мне это не нужно.

Положив ладонь на грудь пациента, Эмма попыталась его удержать.

– Не заставляйте меня звать на помощь вашего брата.

– А вот теперь вы злитесь.

Эмма улыбнулась.

– Не тяните время.

– Ну надо же!

– Что такое?

– Вы улыбнулись, – произнес Стоун, попытавшись улыбнуться в ответ.

На какое-то короткое мгновение улыбка Стоуна обезоружила Эмму, но на правду сложно обижаться. В последнее время раздражение и сварливость стали ее лучшими друзьями.

– У вас очаровательная улыбка, – пробормотал он. – Вам нужно чаще улыбаться.

– Лесть вам не поможет. – Эмма постучала пальцем по шприцу, выпуская воздух. – Укол я все равно сделаю.

Глава 2

Стоун сел на столе, где вовсе не должен был оказаться. Только вот его глупый брат настоял на этом.

– Ты ранен и знаешь это, – сказал Ти Джей там, на горе. – Я не могу отвезти тебя домой без осмотра, потому что Энни меня убьет.

Сейчас, когда эта хорошенькая и ужасно вредная докторша размахивала у него перед носом шприцом, гнев тети Энни представлялся Стоуну меньшей из бед. Он на мгновение подумал о том, чтобы сбежать, но он не любил двигаться быстро, если, конечно, не стоял на лыжах или не сидел на велосипеде.

Да и от самой мысли о необходимости бежать куда-то к его горлу подкатывала тошнота. Кроме того, попытка сесть прямо едва не убила его.

– О черт! – выругался Стоун, хватаясь за ребра, которые, казалось, опалило пламя. – Черт!

– Я вам помогу.

Трудно было поверить, что этот ласковый голос принадлежал холодной высокомерной женщине с острым точно бритва языком. В одной руке она все еще сжимала проклятый шприц, а другой поддерживала Стоуна под спину.

Старина док предупреждал, что его дочь жесткая, резкая и неприветливая, и он не шутил. За то время, что она находилась в Вишфуле, Эмма несколько раз отвергала предложение Стоуна выпить по рюмочке за знакомство, а потом надрала ему зад на лыжне, когда еще лежал снег. Поскольку Стоун катался на лыжах с тех самых пор, как научился ходить, ему было очень обидно. Но крепление на ботинке ослабло, и то обстоятельство, что Эмма отказалась ему поверить...

Но, черт возьми, она ему нравилась, и он сам не знал почему. Тем более что эта симпатия не была взаимной.

И не только поэтому. Она холодная и... и... умная, смешная и соблазнительная. Чертовски соблазнительная в этих модных брюках, шелковой блузке и белом халате, словно все еще находилась в Нью-Йорке, а не в захолустном городишке на юге страны. И Стоуна не смущало то обстоятельство, что эта невысокая красotka с золотисто-каштановыми волосами напоминала злобную сестру куклы Барби.

Хм. Доктор Барби.

– Дышите, – произнесла Эмма. Все такая же спокойная и собранная.

Стоун тоже был спокойным и, возможно, немного возбужденным, несмотря на то что раны доставляли ему нестерпимую боль.

Нет, дело было не в ее легком нью-йоркском акценте. Не в модной элегантной одежде, которая скорее всего стоила дороже его джипа. Не в ее великолепной фигуре и красоте, не предназначенных для таких грубых парней, как Стоун. И не в быстрых уверенных движениях, ни одно из которых она не тратила понапрасну.

Стоун не знал наверняка, что именно его так привлекает в этой женщине, и это сводило его с ума.

Как и то обстоятельство, что от каждого вздоха ему хотелось захныкать подобно ребенку. Еще ни разу в жизни он не испытывал такой ужасной боли.

Господи, как же он жалок!

– Дышите, – напомнила Эмма.

Да уж, легко сказать. Ведь с каждым вздохом его легкие обжигало точно огнем.

– Нужна нюхательная соль? – Ее глаза были голубыми и такими же холодными, как и их обладательница.

– Ваш отец более любезен с пациентами.

– К несчастью для вас, его здесь нет.

– Ничего страшного. Зато на вас приятнее смотреть. – Все в Вишфуле обожали старину дока, который на протяжении последних сорока лет латал жителей городка в любое время дня и ночи, не жалуясь и не раздражаясь. Стоун по нему скучал. – Хотя ваш отец просто дал бы мне пластырь.

– В таком случае вам, возможно, стоило подождать, пока он вернется на работу. Так что, вы сказали, произошло? – Эмма бросила на пациента насмешливый взгляд. – Получили тумачков от трех женщин?

– Угу. – Теперь внимание Стоуна сосредоточилось на ее руках. Эмма отложила шприц – благодарение Богу! – и взяла марлю.

– Я слышал, что вы работали в Нью-Йорке, – произнес Стоун, отчаянно пытаясь отвлечься от происходящего. – Заведовали отделением «Скорой помощи».

С мгновение поколебавшись, Эмма смочила марлю в антисептике и приложила к ране на виске Стоуна. Ее шелковая блузка дорого блестела, каблуки изящных туфель цокали по покрытому линолеумом полу, а на брюках виднелись тщательно заглаженные стрелки. Она была осторожна, организована, максимально сосредоточенна. И немного педантична. Все это должно было отталкивать Стоуна.

Но не отталкивало.

А как раз наоборот. И он не знал, что с этим делать. Белый халат только придавал Эмме сексуальности. Ее блестящие волосы были собраны на затылке симпатичной серебряной заколкой. И к тому же приятно пахли.

– Но я не замечал, чтобы вы приезжали сюда с визитами.

– Мой отец занятой человек.

– Ну, не так уж сильно он занят.

– Хорошо. Я была занята. – Эмма помолчала. – Мы видимся. Время от времени он приезжает в Нью-Йорк.

А, вот оно. Битва между гордостью и неодобрением. Ей не понравилось, что Стоун думает, будто ей все равно.

Он любил дока, но тот наверняка совершил несколько ошибок в отношениях с дочерью, поэтому признается в этом первому, кто его спросит об этом.

– Здорово, что вы приехали, – произнес Стоун. – Заботитесь о клинике в его отсутствие.

– Только до тех пор, пока он не встанет на ноги. А потом я вернусь домой.

Стоун внимательно посмотрел на Эмму. Она хороший врач. Он знал это, потому что доктор Синклер следил за карьерой дочери и частенько рассказывал о ее достижениях. И все же профессионализм и четкие движения Эммы заставляли Стоуна сгорать от желания встряхнуть ее хорошенько и показать, как здорово чувствовать себя чуть более расслабленной.

– Когда-то это место было вашим домом.

– Очень давно.

Верно. Мать Эммы покинула доктора Синклера и эти места двадцать четыре года назад, прихватив с собой шестилетнюю дочь. Они уехали в большой город и больше не вернулись.

Господи! Эмма вновь взяла в руки этот ужасный шприц с огромной иглой. Когда она подошла ближе, на лбу Стоуна выступил пот.

– Да, я не...

Рука Эммы, нежная, но твердая и решительная, коснулась свободной от раны поверхности груди Стоуна, заставляя его лечь на стол, и уже в следующее мгновение он почувствовал укол.

– Ой!

– Не дергайтесь.

А разве у него есть выбор? Хрупкая с виду Эмма обладала недюжинной силой. Крепкая как скала, она умудрилась удержать Стоуна и влить в него целый шприц лекарства, призванного обезболить покрытую ранами плоть. Представив погружающуюся в голову иглу, Стоун почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

– Вы держитесь молодцом. – Эмма быстро вытащила иглу и воткнула снова.

Перед глазами Стоуна заплескали черные точки.

– Не отключайтесь, – произнесла Эмма.

– Он боится иголок. – Ти Джей закончил наконец разговаривать по телефону и вернулся в смотровую. – При виде их он падает в обморок.

– Вовсе нет, – огрызнулся Стоун, по спине которого струился холодный пот.

Он поймал на себе взгляд голубых глаз Эммы.

– Если будете хорошо себя вести, я... – рука со шприцом застыла в воздухе, – подарю вам наклейку.

Ти Джейн сдавленно фыркнул.

Ну все. Ему конец.

Ти Джейн склонился над братом и принялся внимательно изучать рану на его голове.

– Выглядит не слишком хорошо.

– Спасибо.

– Наверное, тебе не стоило тормозить лицом. – Ти Джей покачал головой. – Непростительная ошибка.

– И снова спасибо, – процедил сквозь зубы Стоун.

Ти Джей посмотрел на Эмму.

– Что скажете, док? Четыре шва? Пять? Двадцать?

– О господи! – простонал Стоун.

– Может, просто стоит ампутировать ему голову? – с усмешкой спросил его задира брат. – Я даже могу сесть на него, чтобы вам было удобнее.

– Семь. – Эмма посмотрела на Стоуна. – Всего семь швов. Это займет несколько минут.

Она принялась за работу, и Стоун закрыл глаза. Ти Джей, конечно, не сидел на нем, но держал, на всякий случай. Хотя что это за случай, Стоун не представлял. Его ноги напоминали переваренные макароны, так что при всем желании он не смог бы уйти отсюда.

С ним все было нормально, только вот... Господи!

Он не испытывал боли, нет. Но зато в полной мере ощущал погружающуюся в голову иглу.

О да, он вполне может лишиться чувств.

Стоун прикладывал все силы к тому, чтобы представить себя в любом другом месте, где угодно, но только не здесь, когда Эмма легонько похлопала его по плечу.

– Готово.

Слава богу! Стоун открыл глаза и встретился со взглядом голубых глаз Эммы. Он ожидал увидеть в них насмешку, но разглядел лишь ум и решительное намерение выполнить свою работу.

Стоун долго смотрел на стоящую рядом с ним женщину. Он не мог не признаться себе в том, что ждет от нее чего-то большего, какой-то мимолетной вспышки в глазах, свидетельствующей о том, что он хоть немного привлекает ее как мужчина, но Эмма отвернулась и направилась к раковине, чтобы сложить в нее использованные инструменты. Стоун же предпринял очередную попытку сесть.

Ти Джей помог брату. Однако когда Стоун спустил ноги со стола, чтобы встать на пол, Эмма оглянулась через плечо.

– Куда это вы собрались?

Стоун не знал. Лишь бы подальше отсюда и от ужасных иголок.

– Выпить. Мне это необходимо. А вам?

– Мы еще не закончили, Стоун.

О нет, они закончили. Еще как закончили.

– Мы могли бы поплавать у Поваленных Камней. День обещает быть жарким.

В ответ злая Барби лишь вздернула подбородок и посмотрела на Ти Джея.

Стоун знал этот взгляд, понял таившееся в движении подбородка намерение, однако, прежде чем успел подняться, брат встал у него на пути.

Эмма вновь оказалась рядом с ним. На этот раз она принесла с собой поднос со свежей марлей и пузырьками с антисептиками, что сулило лишь новые вспышки боли.

– Я не думаю, что мне стоит здесь оставаться, – произнес бедняга.

– У вас песок в ранах, Стоун. – Эмма смочила марлю в антисептике, затем взяла в руки предмет, напоминавший несколько соединенных вместе пинцетов.

Ти Джей побледнел и отвел взгляд, однако Стоуну это не помогло.

– В самом деле, – произнес он. – Я в порядке. Мне всего лишь нужно несколько полосок пластыря. – Ну почему его никто не слушает?

Эмма окинула взглядом его шорты, задержавшись на тех местах, где сквозь ткань просачивалась кровь. Стоуна охватило недоброе предчувствие, и он замотал головой.

– Нет. Ни за что. Я их не сниму.

– Мне необходимо промыть раны, – повторила Эмма. – Все до одной.

О господи! Доктор Барби? Скорее уж доктор Зло. Она не отступится, поэтому, не желая терять достоинство, позволив ей или, того хуже, Ти Джею снять с него последний предмет одежды, Стоун сделал это сам, затем вновь лег на стол. На этот раз полностью обнаженный.

– Я чувствую себя дешევкой, – пробормотал он. – Вы даже не купили мне ужин.

Ти Джей фыркнул, а Эмма даже бровью не повела.

– Я также хочу сделать снимки ваших ребер и головы, – произнесла она, приступая к пыткам. – И всего остального, на случай если вы не признались в том, что у вас что-то сломано или раздроблено.

Ну и ну. Она оказалась еще более злобной, нежели он мог предположить.

С каждой минутой его положение становились все хуже.

Спустя час Эмма в буквальном смысле потрогала и разглядела каждый дюйм его тела. Не пропустила ни одной раны или пореза. Снимки были сделаны, раны зашиты и перевязаны, и Стоун, чувствующий себя изнасилованным, был выпровожен домой с четкими указаниями прикладывать к ранам лед и соблюдать постельный режим.

Доктор Зло хотела сделать еще и укол от столбняка, но, поскольку в ранах не было обнаружено ржавчины, заявила, что пыток на сегодня достаточно, и посоветовала пациенту явиться на прием на следующей неделе.

Да уж. Вернется он. Скорее ад остынет и покроется льдом.

Взбравшись во внедорожник Ти Джея, Стоун откинулся на спинку сиденья и вздохнул.

– Я скучаю по доктору Синклеру.

– Но она отлично тебя залатала.

– Зло. Она доктор Зло.

Ти Джей улыбнулся.

– Может быть. Но она самый горячий доктор Зло из всех, что мне когда-либо приходилось видеть. – С этими словами Ти Джей вырулил со стоянки и поехал через город, состоящий из построенных в викторианском стиле домов, в которых проживало три тысячи жителей.

Вишфул появился на свет в начале девятнадцатого века и стал типичным поселением Дикого Запада. Золотая лихорадка вспыхнула и погасла, за ней последовал лесозаготовительный бум, но Вишфул сумел закрепиться на карте благодаря своему местоположению в горах и запасам льда, которым он снабжал страну на рубеже веков.

Теперь же он стал перевалочным пунктом любителей приключений, направляющихся к озеру Тахо, и Уайлдеры в полной мере воспользовались этим преимуществом, основав туристическую фирму, предлагающую всем желающим любые виды экстремальных развлечений – горные лыжи, катание на снегоходах, велосипедные гонки по пересеченной местности, альпинизм. Младший брат Кен – известный в стране сноубордист – вложил в предприятие деньги, накопленные за четырнадцать лет успешной спортивной карьеры. Стоун разыскал тридцать акров подходящей земли, спроектировал и построил на них большой дом и ряд бунгало для обслуживающего персонала и членов семьи. Ти Джей составил бизнес-план и нашел первых клиентов. Теперь братья организовывали для всех желающих развлечения, о которых те только могли мечтать.

Неплохой способ заработать себе на жизнь.

Хотя время от времени некоторые идиоты – вернее, клиенты – решали устроить себе развлечения самостоятельно, совершенно не понимая, что делают. И вот тогда требовалась помощь поисково-спасательного отряда, членом которого являлся Стоун. Одного такого искателя приключений он обнаружил свисающим со скалы на веревке. Глупец дождался, пока Стоун доберется до него, а потом запаниковал, в результате чего последний скатился вниз по скале с высоты пятьдесят футов, оказался в местной клинике и попал в руки к доктору Зло.

– Она сказала, что приедет навестить тебя через несколько дней. – Ти Джей широко улыбнулся брату. – Вероятно для того, чтобы вколоть тебе дозу антибиотиков. Иголкой.

– Какой же ты засранец.

– И еще она пообещала подарить тебе наклейку, если не будешь плакать.

– Чертов засранец.

Рассмеявшись, Ти Джей надавил на педаль газа. Миновав городок, он направил внедорожник в сторону туристической базы. Неровные остроконечные вершины гор, окружавших городок, все еще казались ярко-зелеными от тающего снега. Зима и весна выдались ужасно сыкотными, и теперь жители Вишфула наслаждались летом. Переполненные водой горные ручьи питали луга, покрытые покачивающимися на горячем ветру дикими цветами. Стоун любил все времена года, но сейчас, когда его поруганное тело было охвачено огнем, он тосковал по зимней прохладе.

– Жаль, ты не видел собственного лица, когда она помахала шприцом у тебя перед носом. – Ти Джей свернул на дорогу, ведущую к главному зданию «Уайлдер эдвенчерз». – Я думал, ты проползешь на заднице по всему столу.

Вот такие они, Уайлдеры: умеют окружить заботой и любовью.

– На своей голой заднице. – Ти Джей усмехнулся. – Да, приятель. Это было здорово.

– Ти Джей?

– Да?

– Заткнись.

Кивнув, Ти Джей попытался изобразить серьезность, но не смог.

– Ты прав. Это было грубо.

– Спасибо. – Стоун выпустил протяжный вздох в попытке расслабиться.

– Итак... – Ти Джей искоса посмотрел на брата.

– И?..

– Каково это – знать, что она видела тебя нагишом и притом не в лучший из дней?

Повернув голову, Стоун бросил на брата испепеляющий взгляд.

– Извини. Тебе не смешно?
Стоун лишь вздохнул в ответ и закрыл глаза.

Глава 3

Спустя два дня боль в треснутом ребре и зашитых ранах стихла настолько, что Стоун смог с легкостью передвигаться по дому.

Он выбрался из постели, покинул свое бунгало и направился к дому, где располагался офис «Уайлдер эдвенчерз». Под подошвами его ботинок зашуршала устилавшая землю хвоя. Утренний воздух был более чем прохладным – всего десять градусов. Но к полудню наверняка раскалится до тридцати пяти.

Вокруг весело щебетали птицы. Гудели насекомые. Стоуна атаковала оса. Прихлопнув ее, он двинулся дальше. За лесной тропинкой ухаживали, но вокруг царила дикая природа – примерно семьдесят пять тысяч акров высокогорных лесов, кустарника, гранитных скал и образованных ледниками озер и долин.

Стоун знал каждый дюйм этой местности.

К тому времени как он поднялся по ступеням и добрался до кабинета на втором этаже, по его спине обильно струился пот. И все же, несмотря на усталость, он принялся разбирать бумажные завалы на столе. В последующие несколько месяцев Стоун собирался спланировать и проложить несколько новых маршрутов, но этому предшествовала гора бумажной работы. Нужно было получить разрешения, заказать оборудование, нанести маршруты на карту, разместить рекламу... И он делал все это, фантазируя, как будет играть в больницу с доктором Зло, одетой в модный городской наряд и обладающей небесно-голубыми глазами и губами, созданными для...

Дверь кабинета отворилась, и на пороге возникла Энни. Будучи всего на десять лет старше, его тетка и по совместительству глава «Уайлдер эдвенчерз» вполне могла надрать ему зад, что, судя по выражению лица, и собиралась сейчас сделать.

– Не нужно сходить с ума, – устало пробормотал Стоун. – Просто уйди – и все.

– Ни за что. – На Энни был фартук с надписью: «Я расскажу рецепт, но тогда мне придется тебя убить», которая как нельзя лучше иллюстрировала ее настроение.

– Ты не постучала, – заметил он.

– Потому что ты не пригласил бы меня войти.

И то верно.

Не собираясь уходить прочь, Энни взяла на руки кота Чака, подобранного на улице примерно год назад, опустилась на стул и теперь взирала на племянника подобно орлу.

Или, вернее, мамаше-орлице.

Широко зевнув, Чак устроился у хозяйки на коленях. Всего несколько месяцев назад он был настолько пуглив, что никто не мог даже его накормить, но их бухгалтер Китти, завладевшая теперь сердцем младшего брата Стоуна Кена, разом приручила и кота, и мужчину.

Не сводя глаз с племянника, Энни рассеянно почесывала Чака за ухом.

Почувствовав себя неуютно под ее пристальным взглядом, Стоун заерзал на стуле и тут же расплатился за это вспышкой боли.

– Не спрашивай, чувствую ли я себя так же плохо, как выгляжу.

– Хорошо. – Энни вновь погладила кота. – А это так?

Стоун осторожно выдохнул. «Да».

– Нет.

– Лгун.

Не обращая внимания на Энни, Стоун продолжил разбирать бумаги. Вернее, попытался, потому что сделать это было непросто: боль причиняло каждое движение. Стараясь не обращать на это внимания, Стоун подвинул к себе клавиатуру. Ему нравилось время от времени приводить в порядок документы фирмы. Но когда дел было невпроворот, эта бумаж-

ная работа становилась настоящей головной болью. Стоун нанял бухгалтера Райли, но тот решил обзавестись семьей и уехать, поэтому на его место пришла Китти, которая влюбилась в его младшего брата и в данный момент путешествовала вместе с ним по Андам. Влюбленные устроили себе предсвадебный месяц, который порядком затянулся.

Так что в фирме остались только Стоун, Ти Джей и Энни. Поскольку последние никогда не занимались бумагами, вся работа легла на плечи Стоуна, что сводило его с ума.

Ему просто необходима была передышка. И целый пузырек болеутоляющего.

Энни положила ноги на стол, устраиваясь поудобнее, а это означало, что Стоуну придется терпеть ее присутствие еще некоторое время. Длинные темные волосы Энни были заплетены в косу. Одетую в джинсы и толстовку с капюшоном с логотипом компании на груди, ее можно было скорее принять за подростка, нежели за сорокалетнюю женщину.

– Нет, правда, – прервала молчание Энни, – ты выглядишь так, словно тебя драл когтями Чак.

Она вела себя как начальник или мать Стоуна. И хотя Энни не была ни тем, ни другой, взяла на себя эти роли много лет назад, с одинаковой легкостью руководя компанией и племянниками.

Со своей работой она справлялась не одна. Ее муж Ник был одним из старинных друзей Ти Джея. Он исполнял обязанности механика и пилота и был так же необходим компании, как и остальные члены семьи.

– Хорошо, – сдался Стоун. – Я отвратительно себя чувствую. Счастлива?

– О, детка. Вот. – Энни достала из кармана упаковку обезболивающего и протянула племяннику.

– Да благословит Господь твое черное сердце!

Энни наблюдала, как Стоун проглотил три таблетки разом, а потом повернулся, чтобы заполнить счет-фактуру и выругался.

– А я предупреждала, – тихо произнесла Энни, – что не стоит позволять Кену влюбляться в бухгалтера.

– Это должно было случиться, – ответил Стоун. Кен еще никогда не был так счастлив. Даже когда занимал высшие строчки турнирных таблиц. – Они предназначены друг для друга.

– Ты ведешь себя как ребенок. Неужели ты не сделал выводов после этого падения?

Стоун покачал головой.

– Знаешь, а ведь я всем говорю, что ты меня любишь.

– Я действительно тебя люблю. Кен вернется из путешествия через несколько недель и привезет с собой Китти, так что перестань хандрить. Мы справляемся.

Если можно так сказать.

За последний год их фирма значительно окрепла. Особенно после того как каждый из братьев взялся за отдельное направление. Но за месяц отсутствия Кена, старательно ухаживавшего за девушкой, которую вознамерился сделать членом своей семьи, в прочном фундаменте фирмы образовалась заметная брешь.

В беспорядке пребывали не только документы.

Стоун скучал по брату. Ти Джей был рядом, но занимался длительными экспедициями, а это означало, что вскоре Стоун лишится и его помощи.

И останется совсем один.

– Тебе же не мозг оперировали, – произнесла Энни.

Стоун тихо засмеялся, а потом поморщился от боли и посмотрел на тетю.

– Знаешь, я думал, что теперь, когда вы с Ником решили отложить развод, ты станешь мягкой и пушистой.

– Мягкой и пушистой я бываю раз в год – на Хеллоуин. – Энни сбросила с колен кота, поднялась со стула и принялась расхаживать по кабинету.

Стоун с минуту смотрел на тетю, понимая, что она пришла сюда не просто для того, чтобы его позлить. Что-то случилось, и сердце у Стоуна сжалось.

– Что?

– Он хочет ребенка.

Стоун захлопал глазами.

– Ник?

– Нет, чертов пасхальный заяц. Да, Ник. Господи, Стоун, не валяй дурака.

– И что дурного в желании завести ребенка? Тебе всего сорок лет.

Энни сунула руки в карманы, и на ее лице возникло выражение ужаса.

– Я подняла на ноги вас троих, и не хочу начинать все сначала.

Энни сама была почти ребенком, когда на ее хрупкие плечи легла забота о троих племянниках. Но она растила их как могла и уберегла от тюрьмы. Она справилась. Нет, ее беспокоила не забота о ребенке.

– Ты переживаешь не из-за этого.

– Хорошо. – Энни дошла до стола, развернулась и двинулась в обратную сторону. – Я не готова вывести наши отношения на новый уровень.

– Да будет тебе. – Стоун заставил себя рассмеяться. – Вы же вместе уже двадцать лет. Ребенок – это весело.

– Весело? – Энни резко развернулась и посмотрела на племянника. – Весело? Вот если ты станешь кормить его грудью, это будет весело.

Стоун передернулся.

– Я просто сказал.

– Нет, это я тебе просто скажу! Я не могу завести ребенка. При одной мысли об этом я начинаю толстеть. – Энни плюхнулась на стул. – Я начала бегать.

Энни ненавидела физические упражнения так же сильно, как пауков.

– Зачем тебе это? – Стоун беспокоился не только за клиентов, с которыми они должны были вести себя мило и обходительно, но и за себя и братьев. пробежки сделают Энни еще более раздражительной, а уж никак не мягкой и пушистой. – Не надо. Не бегай.

– Мне приходится. Мое тело не такое, каким оно было когда-то. – Чтобы проиллюстрировать свои слова, Энни взяла груди в ладони и легонько ими потрясла.

– Господи! – Стоун прикрыл глаза рукой. – Перестань.

– А моя задница? – Энни взялась руками за ягодицы. – Она обвисла, Стоун. Проиграла схватку с гравитацией.

– Лучше пристрели меня, умоляю.

– Поэтому я начала бегать. – Плечи Энни безвольно опустились. – Черт меня подери.

– Должен быть какой-то другой способ. Пластика.

– Господи, нет. – Энни указала на Стоуна пальцем. – Не только ты, самый слабый из братьев Уайлдер, боишься уколов.

– Ти Джей рассказал тебе.

– О да. Он рассказал. Доктор Зло? В самом деле?

Стоун раздраженно покачал головой.

– У него слишком длинный язык.

Энни рассмеялась.

– Что верно, то верно. Но весь прошлый год мы ужасно беспокоились за Кена, которому с трудом удалось смириться со своей потерей. Очевидно, теперь нам нужен новый объект для беспокойства. Мы выбрали тебя.

– Когда? Когда это вы так решили?

– Когда разговаривали с Кеном по телефону вчера вечером.

Стоун покачал головой. В прошлом году ему, Ти Джею и Энни пришлось не сладко, когда они пытались вернуть к жизни впавшего в затяжную депрессию Кена, из-за травмы лишившегося самой большой страсти в жизни – скоростного спуска на сноуборде. Им никак не удавалось достучаться до него, не удавалось помочь. Но потом появилась Китти и сделала это вместо них.

Только вот Стоун вовсе не нуждался в том, чтобы кто-то о нем беспокоился. Ведь с ним все в порядке.

– Ты сама не своя в последнее время.

– Ты тоже.

– Хорошо, ты права. – Стоун провел рукой по волосам. – Но я в порядке.

– Настолько, чтобы исчезнуть на целый год?

– Это сделал Кен. – Стоун выпустил вздох. – Не я. Я бы не стал исчезать. Мне нравится здесь, и ты это знаешь.

– Но?... – Энни вопросительно посмотрела на племянника. – Что ты хотел сказать?

– Но... – Правда состояла в том, что фирма была любимым детищем Ти Джея, подпитываемая деньгами Кена, заработанными за годы спортивной карьеры, и возглавляемая Стоуном.

И это было замечательно. Превосходно. Сколько людей может сказать, что они в буквальном смысле слова развлекаются, чтобы заработать на жизнь. Кроме того, совместная деятельность сплачивала братьев, хотя время от времени Стоун и задумывался, сколько это может продлиться.

Только вот совсем не этим хотел заниматься в жизни Стоун. Правда состояла в том, что он так далеко ушел от реставрации старинных зданий, и уже не мог представить себя занимающимся любимым делом. Стоун пожал плечами.

– Но мы заняты. Очень заняты. Да, я понимаю, что мы развлекаемся целыми днями, и все же это колоссальный труд.

– О, детка. Ты просто устал.

– Да. – Прошло десять лет с тех пор, как он купил свой первый разваливавшийся дом в викторианском стиле и преобразил его. Стоун восстановил еще пару домов и хотел бы сделать больше, но у него никогда не хватало на это времени. Он мог бы купить какое-нибудь здание и нанять рабочих, но такой расклад его не устраивал.

Стоуну не хотелось быть просто подрядчиком. Он желал делать все собственными руками.

А для этого требовалось время. Много времени.

– Я хочу отреставрировать еще один дом.

– О... – Энни вскинула бровь. – Я не знала, что ты все еще не оставил эту затею.

– Да. Я...

На столе загудела рация, а потом раздался голос Ти Джея:

– Стоун, ты здесь? Прием.

– Видишь? – обратился Стоун к Энни. – Мы заняты. Очень заняты. Я тут, – ответил он Ти Джею. – Прием.

– Забери дока, а потом встретимся у подножия Гранит-Медоуз. Как можно скорее. Прием.

Ти Джей отправился в горы с клиентами – двумя женщинами, пожелавшими взобраться на самую вершину для фотосессии. Он повез их на джипе. Громоздкий автомобиль вполне проехал бы по горной дороге. Особых навыков для этого не требовалось.

– Что случилось?

– Ты не поверишь, но одна из них рожает.

И в самом деле из рации послышался громкий и протяжный женский крик, от которого по спине Стоуна побежали мурашки. Он вскочил со своего места, едва не потеряв сознание от боли.

– Позвони доку, – крикнул он Энни, морщась при каждом движении. Черт возьми, как больно. – Скажи, что я сейчас за ним приеду.

А, дьявол! Старина док больше не принимает. Его место заняла сексапильная доктор Зло, в последнюю встречу с которой Стоун лежал на столе, обнаженный и окровавленный. Две ночи подряд его преследовали сновидения, в которых доктор Зло представляла перед ним в белом халате, под которым не было ничего. А эти строгие каблуки...

Господи, ему необходимо проверить голову.

– Скажи Эмме, что я буду у нее через пять минут. Пусть готовится принимать роды. – Нажав кнопку на рации, Стоун поспешил к двери, не обращая внимания на отчаянно взывающие к милосердию ребра. – Уже в пути, Ти Джей. Прием.

– Поспеши.

В голосе Ти Джея слышалась паника, и Стоун не осуждал его за это. Чего только они не повидали за годы существования фирмы, но это было что-то новенькое.

Роды в горах.

Да, это было что-то новое и совсем не желательное. Стоун обладал начальными медицинскими знаниями, полученными при подготовке к работе в поисково-спасательном отряде, но о родовспоможении не знал ничего. При одной только мысли об этом у него подкашивались ноги.

Возможно, это состояние явилось следствием его собственного ранения, и все же уже через семь минут он был на подъездной аллее клиники, представлявшей собой двухэтажное здание с жилыми помещениями наверху и больницей на первом этаже. Стоун испытал облегчение при виде спешащей ему навстречу Эммы.

Что ж, это уже хорошо.

На Эмме вновь были узкие брюки – на этот раз черные – и шелковая блузка бледно-персикового цвета, подчеркивающая ее высокую полную грудь.

О да, Стоун заметил бы это, даже находясь при смерти. Эмма обладала великолепной грудью и шикарными бедрами, которые притягивали Стоуна точно магнит. Сегодня ночью в самом смелом своем сне он видел, как она оседлала его и...

Эмма плюхнулась на сиденье, поставила на колени сумку с инструментами и лекарствами и посмотрела на Стоуна.

– Роды в горах? Вы шутите?

Стоуну понравилось, что она не стала тратить время на формальности.

– Мне это тоже в новинку.

– Люди не могут вот так просто рожать детей посреди дороги. Ближайшая больница в тридцати милях отсюда.

Стоун тоже это знал.

– Вы позвонили, чтобы они приготовились? – спросила Эмма.

– Да, они держат наготове вертолет.

– Значит, там будете только вы?

– И вы.

Эмма посмотрела на Стоуна.

– А почему именно я?

– Ну, я подумал, что, возможно, это единственный способ вытащить вас на свидание.

Эмма прищурилась, а Стоун улыбнулся.

– Так насчет родов – это правда или нет?

– Правда. Ребенок пока еще не родился, но это произойдет совсем скоро.

– В горах, – уточнила Эмма, – где повсюду медведи, грязь, жуки и всевозможные микробы и где к тому же может случиться все, что угодно?

– Да.

– Черт.

Не удержавшись, Стоун улыбнулся. Эмма могла быть раздражительной, авторитарной, слишком напряженной и обладающей дурным характером, но ее никак нельзя было назвать скучной.

– Надеюсь, я не оторвал вас от каких-то важных дел.

– Шутите? – Эмма принялась рыться в сумке. – Местные жители смотрят на меня, как на пришельца. Я даже подумываю о том, чтобы отрезать себе палец, потому что мне попросту некого лечить.

Ага. Вот она – брешь в ее броне, которой Стоун бесстыдно воспользовался.

– Стало быть, вы должны благодарить меня за то, что я припас для вас интересный случай.

– Роды, – пробормотала отнюдь не преисполненная благодарности Эмма. – В горах. Святые небеса. – Она вздохнула. – Ты определенно не в Нью-Йорке, Дороти².

Стоун рассмеялся, что делал в последнее время непростительно редко. И это означало, что доктор Эмма хороша не только для эротических снов, но и, возможно, для чего-то большего.

² Имеется в виду главная героиня сказки «Волшебник страны Оз».

Глава 4

Стоун управлял автомобилем столь легко и уверенно, что мог бы посоперничать с самым лучшим из нью-йоркских таксистов. В городе безумная езда никогда не беспокоила Эмму, но здесь, на Диком Западе, где их окружали одни деревья, ее сердце то и дело сжималось от страха.

Стоун резко крутанул руль, и, если бы не ремень безопасности, Эмма непременно съехала бы с сиденья. Чего нельзя было сказать о водителе. Стоун словно бы слился с машиной воедино и продолжал ехать дальше. Лишь слегка поморщился от боли в ребрах.

Эмма наблюдала за крутящим руль Уайлдером. Она просто не могла оторвать от него глаз. Его джинсы – наверняка самые любимые – слегка затерлись и полиняли от времени. Штанины были порваны на колене и бедре, что привлекло внимание к длинным ногам их обладателя. На нагрудном кармане фирменной толстовки виднелась эмблема фирмы, а закатанные до локтей рукава обнажали покрытые загаром мускулистые руки, раны на которых все еще закрывали бинты.

К счастью, узкая и извилистая горная дорога, обычно покрытая грязью, находилась в относительно сносном состоянии. В последнее время было много осадков. Эмма застала конец весны, давшей жизнь всей этой буйной растительности вдоль дороги с обеих сторон.

Даже при свете дня этот лес слишком напоминал декорации к фильму «Сумерки». Воздух пропитался запахами хвои и пыли и был горячим, будто адское пламя. Стоун поймал на себе взгляд Эммы и посмотрел на нее.

– Не просто прочитайте ваши мысли, – произнес он.

– А что именно вы хотите знать?

– Когда мы виделись в последний раз, я предстал перед вами в чем мать родила.

– Верно.

– Вот я и подумал, что вы должны были как-то отреагировать на мою наготу, хотя мы даже не успели выпить и по чашке кофе...

Да, да, она отреагировала. Да еще как.

– Это моя работа.

Стоун кивнул.

– И приглашение выпить кофе...

– Было бы большой ошибкой.

– Почему?

«Потому что я постоянно представляю тебя голым».

– Потому что я не смешиваю работу и удовольствие.

– Никогда?

– Никогда.

Стоун резко свернул вправо и поехал по узкой грунтовой дороге к вершине горы.

– Куда мы едем?

– Туда, где находится сейчас Ти Джей с нашими клиентками Нили и Лайлой.

Дорога становилась все уже, а лес вокруг – все гуще, когда же Стоун вновь крутанул рулем и колеса автомобиля слегка приподнялись, Эмма судорожно вцепилась в стойку.

Стоун бросил взгляд на ее побелевшие от напряжения пальцы.

– Вы в порядке?

– Дам знать, если доставите меня на место живой.

Эмма оторвала взгляд от дороги и посмотрела на Стоуна. Он чувствовал себя совершенно непринужденно за рулем мощного автомобиля. Его большие, покрытые царапинами руки спокойно лежали на руле. Рана над бровью была залеплена несколькими полосками

пластыря, который он, по всей видимости, считал панацеей от всех болезней. Швы не выглядели воспаленными и опухшими, однако под глазами Стоуна залегли темные круги.

– А вы? – спросила Эмма. – Как вы себя чувствуете?

– Отлично.

– Лжете. Выглядите отвратительно.

– Спасибо.

– Принимаете ибупрофен? Прикладываете лед? Отдыхаете?

Вместо ответа Стоун достал из кармана вибрирующий мобильный и нажал на кнопку.

В кабине раздался голос Ти Джей:

– Где, черт возьми, тебя носит? Прием.

– Уже подъезжаю. – Стоун бросил взгляд на Эмму. – С доком. Прием. – Стоун нажал на педаль газа, и на крутом повороте его лицо исказила гримаса боли.

Да, боль причиняли ребра. Определенно.

– Так что? – не унималась Эмма. – Принимаете хотя бы болеутоляющее?

– Да, я уже выпил огромное количество болеутоляющего, только вот оно совсем не помогает. Что же касается отдыха... Не было возможности.

– Почему?

– Нет времени теперь, когда Кен все еще путешествует по Андам, а Ти Джей хватается за каждого клиента. – Стоун угрюмо улыбнулся. – Быть любителем скитаться по горам непросто.

– Чтобы выздороветь, вам необходим отдых, Стоун.

– Хорошо, я попробую выкроить время. – Автомобиль выехал на небольшую площадку на вершине горы и остановился рядом с джипом, украшенным логотипом «Уайлдер эдвенчерз». – А пока займемся роженицей.

Когда Стоун и Эмма вышли из машины, лежащая на земле женщина закричала так, что волосы на голове у Стоуна встали дыбом.

– Боль ее убивает.

Эмма не ответила. Она держала мысли и эмоции при себе, двигаясь быстро и спокойно.

Прочитать что-либо на ее лице не представлялось возможным. «Черт возьми, да она к тому же грациозна и наделена завидным самообладанием», – подумал Стоун, следуя за ней туда, где на большом одеяле лежала корчившаяся от боли женщина, рядом с которой стояла на коленях другая. Ти Джей тоже был здесь, но он уже направлялся к брату с бледным лицом и трясущимися руками.

– Как, черт возьми, ты не заметил, что одна из них беременна? – спросил Стоун.

– Она спрятала живот под просторным свитером. – Ти Джей провел дрожащими пальцами по волосам. – Такого я себе даже представить не мог. Кстати, а как насчет тебя? Это ведь ты принимал у них заказ.

– Извини, но в наших анкетах нет вопроса «Не беременны ли вы?».

– Впрочем, теперь уже не важно, как это случилось. – Ти Джей откинул борт грузовика Стоуна и тяжело опустился на него. – Потому что это случилось.

Лежащая на земле Лайла снова закричала, и братья подскочили от неожиданности.

– Она устроила это нарочно, – в ужасе прошептал Ти Джей. – Она хотела этого. Они ведь пара. И любительницы экстремальных приключений. Они хотели, чтобы их ребенок родился на вершине горы. Естественные роды. Так сказала Лайла перед тем, как начала кричать. – Ти Джей отер дрожащей рукой пот со лба. – А потом Нили запаниковала. Ей показалось, будто что-то пошло не так, и я...

– Запаниковал тоже?

– Да, черт возьми!

– Парни, – раздался голос Эммы, – идите сюда.
Ти Джей развернулся и в ужасе посмотрел на брата.

– Она не заставит меня это делать.

Эмма натянула перчатки.

– Возьмите себя в руки. Мне потребуется ваша помощь.

В голове Стоуна промелькнула мысль о том, что он ни за что не согласится на подобное, но уже в следующее мгновение Ти Джей услужливо подтолкнул его в спину.

Подняв на него глаза, Эмма благодарно кивнула.

А, черт. Он никогда не бросил бы человека в беде. Не оставит и эту женщину. Смешно, но до этого момента Стоун был уверен, что за свои тридцать два года повидал практически все. Но, видимо, он ошибался. Он ничего не знал о родах, кроме того, что это очень сложный и довольно интимный процесс.

Очередной вопль Лайлы едва не разорвал ему душу, и, не в силах стоять без дела, Стоун подошел ближе.

– Поддерживайте ее под спину, – распорядилась Эмма, когда Стоун опустился на колени рядом с ней, старательно отводя взгляд. – Не позволяйте ей ложиться. Нужно, чтобы она находилась в полусогнутом состоянии. Нили, помогите мне просунуть под нее стерильную пеленку.

О господи, смотреть все-таки придется.

– Иголок у меня нет, – успокоила Эмма Стоуна.

Их взгляды встретились, и Стоуну показалось, что выражение решимости на привычно непроницаемом лице на мгновение исчезло и в небесно-голубых глазах вспыхнули озорные искорки.

Однако пропали они так же быстро, как и появились.

– Показалась голова ребенка, – спокойно произнесла Эмма. – У нас нет времени, чтобы увезти ее отсюда. Поэтому мне важно понять, вы со мной или нет?

Проклятье! Если она держится так непринужденно, то наверняка и он сможет.

– С вами.

Лайла закричала и, схватив Стоуна за рубашку, с силой уперлась в его горящие огнем ребра.

– Мне нужно потужиться! – выкрикнула она, тяжело дыша.

– Хорошо, – спокойно ответила Эмма. – Но сначала давайте устроим вас поудобнее. – Она посмотрела на Стоуна, и тот кивнул.

Постаравшись как можно более ободряюще улыбнуться Лайле, он зашел сзади и позволил ей прижаться спиной к его груди. Из горла женщины вырвался вздох облегчения.

– Лучше?

– Да. – Схватившись за руки Стоуна, Лайла изогнулась всем телом. – О господи, снова! Еще одна схватка!

– Все в порядке, – произнесла Нили, в глазах которой плескался ужас. – Все будет хорошо. Мы же планировали это, хотя и знали, что будет непросто.

– Непросто?! – Ошалев от боли, Лайла сжала руки Стоуна, словно тисками. – Послушай, я передумала. Больше не хочу это делать.

– Лайла. – Эмма посмотрела на роженицу. – Я вижу головку ребенка, и теперь мне нужно, чтобы вы потужились.

– Это была плохая идея, – охнула Лайла. – Я больше не хочу тужиться. – Она приподняла голову и посмотрела на Нили. – Давай просто поедem домой, хорошо? Ты не возражаешь? А завтра я попробую потужиться, обещаю.

– О, детка, – со слезами на глазах прошептала Нили и погладила подругу по голове. – Ты можешь это сделать. Я знаю, что можешь.

– Но я не могу. – Лайла разразилась рыданиями. – Просто не могу. Сделаешь это вместо меня, ладно? Пожалуйста, Нили. Пожалуйста, сделай это за меня.

В голосе бедняжки слышался такой ужас, что даже Стоун готов был родить вместо нее. Но тут на помощь вновь пришла Эмма.

– Лайла, сделать это можете только вы. Несколько потуг, и все закончится. Вы сможете.

– Нет, я не могу... О господи, снова! – Лайла вскрикнула и забилась в конвульсиях, в то время как Стоун пытался удержать ее на стерильной поверхности.

Резко развернувшись, Нили схватила Эмму за ворот блузки. По ее щекам струились слезы.

– Черт возьми, да сделайте же что-нибудь!

– Эй, эй! – Стоун склонился над Лайлой и подался вперед, чтобы помочь Эмме. Ведь она оказалась в этой ситуации из-за него, и, стало быть, он несет за нее ответственность. Только вот Стоун не учел одной детали: Эмма вполне могла постоять за себя.

Она просто страхнула с себя руки Нили и взяла ее за плечи.

– Сделайте это вместе, – спокойно произнесла она. – Лайле нужно видеть, что вы прошли через это вместе.

После этого, не дожидаясь согласия Нили, она встала на колени и наклонилась к самому лицу Лайлы, а стало быть, и Стоуна.

– Лайла, послушайте. Мне нужно...

– Я не могу!

– Можете. И сделаете. Тужьтесь.

Когда она говорила так спокойно и уверенно, даже Стоуну захотелось выполнить ее приказ.

– Я не могу! – вновь выкрикнула Лайла.

Окажись он на месте Эммы, Стоун непременно напомнил бы упрямыце, что она сама устроила себе это приключение, вместо того чтобы отправиться в больницу, как того и требовал здравый смысл. Там бы она получила все необходимые лекарства и даже эпидуральную анестезию. Но нет. Она приехала сюда.

По собственному желанию.

– Послушайте, – произнесла Эмма, вложив в голос всю свою властность. – Я знаю, эта боль разрывает на части. Но ребенок уже готов появиться на свет, Лайла. Он здесь. Вам нужно лишь немного напрячься. И тогда все закончится и вы сможете взять на руки своего малыша.

– Моего малыша, – слабым голосом повторила Лайла, виски которой стали влажными от пота.

– Верно, – решительно тряхнула головой Эмма. С растрепавшимися волосами, в промокшей от пота и крови блузке она стояла на коленях на вершине горы в местности, которую, как знал Стоун, сильно недолюбливала.

И это завораживало. Она его завораживала. Такая элегантная и утонченная, но совсем не чопорная, как он думал раньше.

– Ваш малыш, – напомнила Эмма. – Мучения не пройдут даром, потому что в конце вы получите приз – очаровательного ребенка. Так что давайте это сделаем.

Стоун заворожено наблюдал, как Лайла вздохнула, перестала рыдать и кивнула.

– Хорошо, – произнесла она. – Давайте сделаем это.

Эта перемена поразила Стоуна. Эмма не имела привычки сюсюкать. Мягкость и уговоры были совсем не в ее духе, но сейчас она действовала чрезвычайно мягко и добилась результата.

В этот момент в душе Стоуна шевельнулось что-то странное. Не страсть, нет, но что-то, что могло оказаться хуже.

Гораздо хуже. И это непременно причинит неудобства.

– Ребенок, – хрипло произнесла Лайла, целуя подругу. – Я почти позабыла о нем.

Рассмеявшись сквозь слезы, Нили отерла лицо Лайлы и принялась гладить ее по ногам и дышать вместе с ней.

– На счет «три»! – скомандовала Эмма. – Раз, два, три!

Лайла потужилась, закричала, снова потужилась, и Стоуну показалось, что она сломает ему запястья. Но затем она осела и уперлась спиной в его разрывающуюся от боли грудь, судорожно ловя ртом воздух. Осознав, что его собственная боль не идет ни в какое сравнение с болью Лайлы, Стоун решил молча терпеть.

– Отлично справляетесь, – произнес он в надежде, что так оно и есть и что после этих экстремальных родов у него уцелеет хотя бы несколько ребер.

– Головка показалась, – произнесла Эмма, помогая младенцу появиться на свет. – Тужьтесь! – приказала она.

– О господи...

– Вы сможете, Лайла. Я уже вижу личико вашего малыша. А теперь садьте и тужьтесь!

При звуке этих слов Стоун мысленно сжался, попрощался с последними целыми ребрами и устремил взгляд в небо, когда Лайла выпрямилась и начала тужиться.

Все это сопровождалось криками и болью в запястьях и груди. Краем глаза Стоун видел брата, развернувшегося к происходящему спиной и разговаривавшего по телефону. Мерзавец. Ему-то ребра не переломают.

– Смотрите, – неожиданно закричала Нили. – О господи, смотрите!

Стоун опустил глаза и увидел...

Господи Иисусе! Он увидел кровь, и слизь, и натянутую до предела кожу, и ему стало дурно.

Эхом отозвавшийся в его голове крик, казалось, издало его собственное тело, и если бы он сейчас стоял на ногах, то непременно рухнул бы на землю без чувств. Лишь руки Лайлы, больно впивающиеся в запястья, заставляли его оставаться на плаву.

– Я ее держу! – радостно произнесла Эмма. Она стояла на коленях, поспешно вытирая ребенка полотенцем и одновременно прочищая нос и рот. Она ловко заменила мокрое полотенце сухим, и ребенок заплакал. – Чудесная девочка, – объявила Эмма, кладя ребенка на живот Лайлы.

Малышка испустила истошный вопль.

Стоун с благоговением взирал на крошечное, покрытое липкой субстанцией существо.

Эмма проверила показатели новорожденной, дыхание и мышечный тонус, а когда пережала пуповину и переключила внимание на плаценту, у Стоуна закружилась голова.

Еще ни разу в жизни он не видел ничего более завораживающего, а когда поднял взгляд на Эмму, ее глаза показались ему подозрительно блестящими и затуманившимися от каких-то неясных эмоций.

А потом произошло нечто совершенно неожиданное: она улыбнулась.

Да, эта женщина обладала нестигаемой волей, была цинична, резка и зачастую даже жестока.

И вот теперь она плакала при виде новорожденного.

Лайла и Нили смеялись и плакали одновременно. Когда Эмма сказала, что с матерью и ребенком все в порядке, братья перенесли Лайлу в джип Ти Джея. Вскоре автомобиль направился в сторону дома сестры Нили, работавшей акушеркой в больнице Южного побережья.

Эмма и Стоун остались наедине.

Стоун подошел к тому месту, где она стояла, устремив взгляд на расстилавшийся у подножия горы луг.

– Вы в порядке?

– Всегда. – Эмма одарила Стоуна очаровательной, исполненной тепла улыбкой, которая осветила ее лицо, придала губам соблазнительный изгиб и пошатнула мир стоящего перед ней мужчины. – А как вы?

С губ Стоуна сорвался низкий смех.

– Признаюсь, я едва не упал в обморок. До сих пор колени дрожат.

Эмма снова улыбнулась, и от этой улыбки Стоун окончательно лишился способности мыслить здраво. Черт возьми, эта улыбка смягчила ее черты. Заставила казаться более нежной. Ласковой. А ведь он считал, что Эмма напрочь лишена этих качеств, которые он так ценил и любил в женщинах, поэтому сейчас сердце принялось подавать сигналы тревоги, а пульс участился...

О черт...

Необходимо отойти назад на несколько шагов. Или вообще развернуться и уйти, пока это не составляет труда. Но разве он искал когда-нибудь легких путей? Проклятье, нет! Стоун всегда выбирал из всех дорог самую трудную и ухабистую, поэтому подошел ближе.

Улыбка Эммы стала шире, и на какое-то мгновение Стоун подумал, что наконец-то дождался слов благодарности. И когда Эмма наконец произнесет их, он пожмет плечами и ответит, что был рад помочь, и тогда Эмма, возможно, обнимет его или даже...

Поцелует.

Да, она накроет его губы в неспешном жарком, исполненном благодарности поцелуе, от которого кровь быстрее заструится по жилам и...

– Стало быть, вы не только боитесь уколов, но и падаете в обморок при виде крови, да? – весело поинтересовалась Эмма.

Она не собиралась его благодарить. Она над ним смеялась. Причем открыто. Стоун попытался обидеться, но, черт побери, разве это было возможно, когда она так улыбалась? Просто удивительно.

Она необыкновенная.

– Вот как? – Губы Стоуна изогнулись в глупой улыбке. – Вы действительно хотите надо мной посмеяться?

Продолжая улыбаться, Эмма кивнула.

– Да.

– Это жестоко. Очень жестоко.

– Извините.

«Извините»? Да уж, конечно. Эмме совсем не было совестно. На ее губах играла широкая насмешливая улыбка, которая должна была ранить Стоуна в самое сердце. Только вот Эмма была такой обворожительной, когда смеялась над ним.

– Я заметила, что вы несколько раз собирались упасть в обморок, – произнесла она.

– Вы должны меня простить, поскольку я еще ни разу не видел женскую вагину с такого ракурса.

Услышав это признание, Эмма рассмеялась и потрепала Стоуна по руке, как четырехлетнего малыша, а потом направилась к автомобилю.

Однако они еще не закончили разговор, поэтому Стоун последовал за ней.

– К вашему сведению, я так и не лишился чувств. Стойко продержался до конца.

Эмма остановилась.

– Продержались. За что я вам очень благодарна. Но у вас так дрожат колени, что, может, за руль стоит сесть мне? Нужно поспешить. – Эмма взглянула на часы. – У меня напряженный график.

Положив руки на капот, Стоун подался вперед и посмотрел на Эмму.

– И к чему вы так торопитесь вернуться?

– У меня есть дела.

Стоун не мог не рассмеяться в ответ.

– Вы когда-нибудь останавливаетесь, док? Ну, например, чтобы полюбоваться розами?

– Я не из тех, кто теряет разум при виде цветов.

– А как насчет отдыха? – спросил Стоун, хотя уже знал ответ: она не из тех, кто любит отдыхать.

– Он нагоняет на меня скуку.

– А развлечения? Вы когда-нибудь развлекаетесь?

– Да, – ответила Эмма. – Но не в трех тысячах милях от дома, в городе, где за услуги расплачиваются запеканками и смотрят на меня, как на инопланетянку.

– Я не считаю вас инопланетянкой, – произнес Стоун.

– Верно, но вы не в счет.

– Почему это?

Эмма помедлила с ответом.

– Потому что вы смотрите на меня иначе.

– И как же?

– Как если бы... – Эмма залилась краской. Очень интересно.

– Как если бы вы мне нравились? – подсказал Стоун.

Их взгляды встретились.

– Да, именно.

– Но ведь так и есть. Вы мне нравитесь. Очень.

Эмма с минуту смотрела на Стоуна, а потом, не говоря ни слова, устроилась на сиденье автомобиля. Она не удостоила его ответом, но и дверь тоже не захлопнула. Так что не все еще потеряно.

Во всяком случае, Стоун на это надеялся.

Глава 5

Отец звонил Эмме дважды, и она пропустила оба звонка. Именно поэтому она села за руль грузовика и отправилась его навестить.

К его небольшому домику, располагавшемуся в десяти милях от города, вела дорога, петлявшая по берегу озера Джексон. Отец поправлял свое здоровье тем, что с утра до вечера удил рыбу.

Грязная дорога и десять миль не были для Эммы проблемой.

Хотя к чему кривить душой? Они представляли собой проблему. И довольно серьезную, поскольку водила Эмма отвратительно.

Она не садилась за руль в Нью-Йорке, хоть и сумела сдать на права. Вообще-то ей нравилось управлять автомобилем. Только вот выпадала такая возможность не часто.

Все изменилось, когда она приехала сюда. Во-первых, грузовик оказался огромным. И своенравным. Вести его оказалось весьма непросто. У Эммы несколько раз перехватывало дыхание, но, к счастью, день выдался сухим и безоблачным, поэтому ветки хлестнули по лобовому стеклу всего пару раз да белка-самоубийца перебежала через дорогу прямо под колесами.

К тому времени как Эмма достигла места назначения, у нее по спине обильно струился пот. Ее отец только что вернулся с рыбалки. Невысокого роста, с седыми курчавыми волосами, которые все время упрямо топорщились в разные стороны, он был немного полноват, что давало неверное представление о его возрасте.

– Ты звонил. Дважды.

– Извини, я просто хотел... связаться с тобой. Узнать, все ли в порядке.

– То же самое я хотела спросить у тебя.

– У меня все в порядке. Клиника сводит тебя с ума?

– Нет, – солгала Эмма.

Отец одарил ее терпеливым, полным понимания взглядом, и она сдалась:

– Да.

Отец сочувственно улыбнулся.

– Извини. Я знаю, что ты не привыкла к такому укладу. Но я надеялся, что тебе понравится.

– Я еще не решила, – мягко ответила Эмма. Что проку рассказывать о том, насколько ей не по себе? – Я привезла тебе запеканку. Без холестерина.

– С холестерином вкуснее. – В глазах пожилого доктора плясали озорные искорки, губы изогнулись в беззаботной улыбке, но Эмме было невесело.

– Никакого жира, – произнесла она, и отец тяжело вздохнул. – Где результаты анализов? – поинтересовалась Эмма. Она задавала этот вопрос каждый раз, когда приезжала навестить отца.

– Забыл. В следующий раз. – Он ответил так же, как отвечал всегда.

Теперь, когда обмен любезностями был закончен, они стояли друг напротив друга, не зная, чем заполнить неловкое молчание. На отце был жилет из защитной ткани, а на Эмме – белый халат, который она позабыла снять.

Вот уже в который раз она задумалась над тем, зачем вообще сюда приехала.

Наверное потому, что, кроме друг друга, у них с отцом больше никого не было. И для Эммы, предпочитавшей работу развлечениям, это что-то да значило.

Он что-то для нее значил.

У них не было ничего общего, никаких тем для беседы, и все же они были семьей.

Хотя это вовсе не означало, что они нравятся друг другу. И когда Эмма наконец уехала, отец испытал такое же облегчение и благодарность, как и она сама.

По пути домой ей вновь пришлось изрядно попотеть от напряжения. А потом она засиделась допоздна, читая медицинские журналы и поедая невесть из чего приготовленную запеканку, найденную в холодильнике. Судя по всему, это было одно из горячо любимых отцом блюд, и каждый раз, проглатывая кусок, Эмма чувствовала, как закупориваются ее артерии, а потерянные во время поездки килограммы возвращаются.

Проклятье! Нужно заняться чем-то еще, кроме пережевывания избыточной холестеринной пищи. Но, судя по всему, жизнь в Вишфуле замирала с заходом солнца.

Сегодняшние роды на вершине горы наполнили кровь Эммы адреналином. Только вот это случилось впервые за долгие недели ее пребывания в этой глуши.

Если точнее – она провела здесь два месяца.

И вот уже вновь Эмма начала тонуть в липком болоте скуки.

Она не хотела обижаться на отца. Нет, она на него не обижалась. Ведь он не был виноват в том, что его свалил сердечный приступ, и в том, что ему требовалась помощь в клинике на время выздоровления.

Они с Эммой остались одни и были связаны друг с другом нерушимыми узами.

Нет, Эмма ни в чем не винила отца. Просто она хотела, чтобы все сложилось иначе. Хотела заглянуть в его медицинскую карту, чтобы понять, как идет процесс выздоровления и можно ли его ускорить.

У Эммы было время, чтобы это обдумать. У нее вообще было слишком много свободного времени. Особенно по ночам, когда ей не оставалось ничего другого, как смотреть единственный телевизионный канал, по которому транслировали глупые романтические комедии.

Мать непременно заставила бы ее поскорее убраться из этого захолустья. Эмма всем сердцем скучала по этой шумной, бесцеремонной и авторитарной женщине. Сэнди была бы не рада узнать, что ее дочь прозябает в такой дыре. Совсем не рада.

Эмма тоже не испытывала счастья.

Но... теперь, узнав, насколько несведущ ее отец в бухгалтерии, она заволновалась. Он может обанкротиться к концу года, если не изменит отношение к делу.

Что же касается изменений... У Эммы появились кое-какие мысли. Ее отец смог бы справляться с серьезными заболеваниями и травмами, если хотя бы попытался конкурировать с клиникой Южного побережья.

Однако Эдди Синклер совсем не разделял подобных мыслей. Он был спокойным и неторопливым, предпочитая просто плыть по течению. Каждый раз, когда Эмма заводила разговор о делах, его лицо принимало веселое выражение, и он говорил, что все будет хорошо, если она не забудет дышать.

Она дышала, черт возьми, а его апатичное отношение к жизни несколько не помогало. И как он только умудрялся держаться на плаву все эти годы? Эмма искренне не понимала. Но это был его выбор. Он позволил ее матери уехать, не пожелал оформить совместную опеку и хоть как-то участвовать в жизни дочери.

Эмма подловила себя на том, что вновь вспоминает старые обиды, которые давно оставила в прошлом. Она изжила их, забыла о них. Она всегда быстро забывала о том, что берегло душу. Но только в том случае, когда ей было чем отвлечься от грустных мыслей. Например работой.

Слава богу, через несколько дней прилетает Спенсер. Эмма очень рассчитывала на то, что приезд коллеги и ближайшего друга хоть ненадолго скрасит ее существование.

Эмма поставила на стол тарелку с запеканкой и принялась бродить по дому. Он был очень хорошо ей знаком, ведь она прожила здесь свои первые шесть лет. Странно, но она

прекрасно помнила каждый гвоздь и каждую трещину в полу в трех крошечных спальнях, двух еще более крошечных ванн и кухне. Она помнила, как ее мать готовила здесь ужин...

Печаль, которая, казалось, никогда не покинет ее окончательно, с новой силой охватила ее здесь, в маленькой гостиной отца.

Мать Эммы родилась в Нью-Йорке. Городская жительница до мозга костей, она влюбилась в молодого доктора, читавшего лекции в университете и сопровождавшего студентов в научной экспедиции. В ее отца.

Ослепленная любовью девятнадцатилетняя Сэнди бросила все и отправилась путешествовать по стране. Лишь бы только быть рядом с любимым. Медовый месяц продолжался лишь до первой зимы в горах.

Тогда-то суровая реальность сорвала с глаз Сэнди розовые очки.

Двадцатифутовый слой снега оказался для нее настоящим испытанием, а бесконечно долгие недели, проведенные вдали от людей и цивилизации, довершили дело. Когда же вломившийся в их кухню медведь сожрал чизкейк, с трудом доставленный с Манхэттена, Сэнди всплеснула руками и произнесла:

– Можешь делать со мной что угодно, Эдди, но с меня хватит.

После этого она собрала вещи и Эмму и была такова.

Муж даже не попытался ее остановить.

Вернувшись в Нью-Йорк, Сэнди сняла однокомнатную квартиру и ни разу не пожаловалась на судьбу. Хотя только теперь Эмма поняла, каким трудом доставались деньги ее матери, шестьдесят часов в неделю работавшей медсестрой в больнице.

Эмма подошла к деревянной каминной полке и посмотрела на заключенные в рамки фотографии. Вот она совсем кроха. А вот – в возрасте пяти лет, без двух передних зубов. На третьей фотографии Эмма увидела себя выпускницей колледжа. Именно тогда отец неожиданно решил нанести визит.

Но более всего удивил и поразил Эмму портрет ее матери. Девятилетняя девочка легко и непринужденно улыбалась в камеру. Взяв рамку с полки, Эмма провела пальцем по стеклу, как если бы хотела еще раз дотронуться до матери.

– Я вернулась, – прошептала она. – Вернулась в Вишфул. Кто бы мог подумать, а?

«Что ж, убедись только, что в постели нет пауков, прежде чем лечь спать. Эти огромные твари повсюду».

Тихий веселый голос матери отчетливо раздался у нее в ушах, заставив ошеломленно рассмеяться. Очевидно, она устала гораздо сильнее, чем могло показаться на первый взгляд. Или же ей просто слишком сильно не хватало латте.

Поэтому она решила лечь спать.

На следующий день Стоун сопровождал группу велосипедистов на Сьерра-Пойнт. После его неудачного падения прошло пять дней, и он чувствовал себя значительно лучше. После экскурсии клиенты попросили оставить их в местном баре, где они собирались провести за выпивкой остаток ночи.

Несмотря на то что до утра оставалось всего несколько часов, Стоун ушел из бара и направился к своему грузовику, где обнаружил, что у машины спущено колесо.

Стоун достал инструменты и поменял колесо, умудрившись каким-то образом поранить больное колено ржавым гвоздем. Скорее всего этот же самый проклятый гвоздь пропорол колесо автомобиля. И вот теперь по ноге струилась кровь, а рана горела огнем.

Словно ему было мало недавно полученных ранений.

Стоун полез в бардачок в поисках аптечки, открыл ее и... ничего не увидел.

– Черт бы тебя побрал, Ти Джей.

Ти Джей всегда ленился пополнять собственные запасы медикаментов, предпочитая пользоваться аптечкой брата. Стоун опустил глаза. Из прорехи в любимых джинсах струилась кровь. Проклятье! Впрочем, если он промоет рану немедленно, все будет в порядке. Хм, похоже, в последнее время он только этим и занимается.

Стоуну ужасно не хотелось умереть от столбняка. Он мог потратить двадцать минут на то, чтобы добраться до дома и обработать рану, или оказаться всего через две в клинике.

Раньше Стоуну ничего не стоило постучать в дверь дока посреди ночи. Более того – док дал каждому из братьев Уайлдер по ключу, поэтому Стоун не раз просто заходил в клинику и брал то, что ему нужно, не беспокоя доктора Синклера, за что тот был ему безмерно благодарен.

Понадеявшись, что яблоко упало недалеко от яблони, хотя на деле это было скорее всего как раз наоборот, Стоун завел мотор и направил автомобиль в сторону клиники. Все двери были закрыты, а окна утопали в темноте. Прихрамывая, Стоун поднялся по ступенькам, легонько постучал в дверь, чтобы не показаться излишне грубым, и только потом выудил из кармана ключ и вставил его в замочную скважину. Оказавшись в приемной, он включил свет, не желая пугать Эмму, если та вдруг проснется. Док всегда держал на кухне запасы медикаментов на случай, если ее придется использовать в качестве еще одной смортовой. Стоун прохромал к шкафу с лекарствами и включил свет. Он взял пузырек с перекисью водорода, несколько марлевых салфеток и...

– Положи руки так, чтобы я их видела, засранец, иначе надеру тебе задницу.

Стоун поднял руки – медленно, поскольку все тело до сих пор болело, – и развернулся. Эмма стояла в дверном проеме, одетая в шорты и тонкую футболку, и со знанием дела держала в руках бейсбольную биту. Ее слегка спутанные волосы были распущены, а глаза источали холод. Без косметики, с всклокоченными волосами она выглядела невероятно привлекательно. Сердце Стоуна на мгновение замерло в груди, а потом понеслось вскачь при мысли о том, что под футболкой на Эмме не было нижнего белья.

– Это всего лишь я, – спокойно произнес он. – И, к вашему сведению, нельзя угрожать безоружному парню, когда он к тому же стоит к вам спиной.

Эмма не опустила биту.

– Да, но теперь-то вы повернулись.

Стоун с трудом удержался от желания прикрыть рукой пах.

– Послушайте, просто расслабьтесь.

– Расслабиться? Вы вломились ко мне в дом!

Эмма выглядела и говорила как истинная уроженка Нью-Йорка, и как бы Стоун ни противился собственным чувствам, ему это нравилось.

Очень нравилось.

И может быть – но только может быть, – их сближение произойдет сегодня.

– Я не вламывался, потому что у меня есть ключ. Ваш отец дал мне его на всякий случай. Мне не раз приходилось им пользоваться... – Стоун широко улыбнулся. – Потому что вашему отцу не нравится, когда его будят.

– Вы хотите убедить меня в том, что мой отец позволял вам приходить и рыться в лекарствах, когда вам заблагорассудится?

– Только в случае необходимости, – уточнил Стоун и снова попытался улыбнуться.

Однако Эмма даже бровью не повела. Она продолжала хмуриться, а ее цепкий взгляд скользнул по телу Стоуна и задержался на пропитанной кровью ткани.

– Вы ранены.

– Немного поцарапался. Просто хотел промыть рану и...

– Дайте догадаюсь. Вы собирались залепить ее пластырем. – Вздохнув, Эмма опустила биту и кивком указала на стул. – Сядьте.

Однако вместо этого Стоун облокотился о стойку и посмотрел на биту.

– Вы действительно собирались ею воспользоваться?

– Разве я не пригрозила надрать вам задницу? – Эмма зловеще улыбнулась. – Поверьте, я бы это сделала.

Возможно. Но лишь потому, что Стоун был слишком ошеломлен, чтобы себя защитить. Черт возьми, эта женщина и впрямь горячая штучка. Стоун, не отрываясь, смотрел на ее полную грудь с четко вырисовывающимися под тканью футболки тугими сосками, восхитительно округлые бедра и полоску обнаженной кожи живота.

Эмма прошла мимо незваного гостя и надела халат. Проклятье!

– Извините, – обратилась она к Стоуну, увидев выражение его лица. – Только приглашенным ночным гостям позволено лицезреть меня в пижаме.

– Могу ли я получить приглашение?

Смех Эммы возвестил о том, что ни за что, ни при каких обстоятельствах ему не получить подобного приглашения, и все же Стоун улыбнулся.

– Вы очень хорошенькая, когда смеетесь.

Эмма все еще улыбалась, когда подошла ближе, чтобы рассмотреть колено.

– На этот раз зашивать не придется.

– Хорошо.

Эмма выпрямилась и внимательно рассмотрела рану над бровью Стоуна.

– Заживает хорошо. Я подумала, вам понадобятся антибиотики, но теперь вижу, что в них нет нужды. И все же.

А, проклятье!

– Вам необходим противостолбнячный укол. Вы ведь это понимаете, верно?

– Да. – В глазах у Стоуна потемнело. Господи, как же он жалок.

– Собираетесь упасть в обморок?

– Этого не случится, если вы снимете халат.

– Хорошая попытка. – Эмма принялась набирать в шприц сыворотку, а Стоун стоял и обливался потом, старясь не потерять сознания. Девушка обернулась. – Невероятно.

– Знаю. – Стоун отер лоб. – Я...

– Дело не в вас, а во мне. Не могу поверить, что делаю это для вас, но... – Эмма сняла халат и бросила на пол. – Считайте, что это подарок.

Подарок был действительно хорош. Эмма обладала потрясающими ногами – стройными и загорелыми. И потрясающими руками. И все же взгляд Стоуна остановился на ее груди, когда она подошла ближе, закатала рукав его толстовки и протерла кожу антисептической жидкостью. Ее собственная кожа казалась такой гладкой и бархатистой, что рот Стоуна помимо воли наполнился слюной. От Эммы исходил восхитительный аромат. Она пахла...

– Ой!

Эмма залепила место укола пластырем.

– Рука скорее всего будет болеть в течение нескольких дней.

– Но у меня завтра восхождение на гору.

– Может, мне стоило сделать этот укол вам в зад?

Стоун рассмеялся, однако, посмотрев на лицо Эммы, понял, что она не шутит.

– Вы и впрямь очень злая.

Эмма улыбнулась, а потом наклонилась, чтобы поднять халат, и взору Стоуна предстало захватывающее дух зрелище.

– Знаю. Хотите мое мнение? Вам не стоит завтра карабкаться на гору. Во всяком случае до тех пор, пока ваши раны не затянулись полностью. Вам вообще не стоит завтра ничего делать.

С этими словами Эмма вновь надела халат, а потом выпроводила Стоуна за дверь и закрыла ее изнутри на задвижку.

Воспоминания о ее теле преследовали Стоуна по пути домой, в душе, и всю ночь в постели, порождая невероятно мучительные эротические фантазии.

На следующее утро Эмма открыла двери клиники для тех посетителей, что не врываются в дом по ночам. Часы показывали ровно восемь, когда на пороге клиники появилась пациентка, Сесилия Поттер, официантка из бара. Этой двадцатилетней девушке требовался рецепт на приобретение антибиотиков для лечения горла, и она называла Эмму то доктором Синклер, то – и это ужасно раздражало – женщиной, к которой заходит Стоун.

– Я вовсе не... – начала было Эмма.

Однако Сесилия Поттер, совершенно не интересуясь ее возражениями, отправилась по своим делам. Других пациентов, которые бы помогли отвлечься, не было.

«Женщина, к которой заходит Стоун»? Какой абсурд!

К полудню, когда Эмма готова уже была рвать на себе волосы от безделья, в клинику пожаловала вывихнувшая палец Мисси Торнтон. Мисси работала кассиром в магазине бытовой техники. Прожившая в Вишфуле всю свою жизнь, она обладала милым лицом, от которого веяло материнской теплотой, и Эмма немного смягчилась, ибо питала слабость к добродушным людям.

– Ваш батюшка еще не вернулся на работу? – поинтересовалась Мисси, пока Эмма делала рентген пальца.

– Пока нет. Палец не сломан. Я просто забинтую его и...

– Может, мне следует съездить на консультацию в больницу Южного побережья?

– Как хотите. Но у вас нет ничего серьезного.

– Хм...

Для того чтобы убедить Мисси в своей правоте, Эмме потребовалось немало времени. Наступило время ленча. На улице за окном былолюдно. Дела в местных магазинах шли очень хорошо. У всех дела шли хорошо. У всех, кроме Эммы.

– Хм... – вновь протянула женщина.

Эмма заглянула ей в глаза.

– Что-то не так?

– А что, если мой палец все-таки сломан?

– Я же показала вам снимок. Перелома нет.

– Хм.

На другой стороне улицы остановился пикап. Стоун. На нем были потертые джинсы и футболка-поло. Высокий и уверенный в себе, он взял в руки папку с бумагами и направился к зданию на углу улицы. Двигался он с осторожностью человека, которого всего неделю назад поколотили в баре.

Или что там с ним произошло на самом деле.

Не подозревая о том, что за ним наблюдают, он, прихрамывая, направился к ветхому дому с табличкой «Продается».

Склонив голову, он открыл папку и что-то записал.

– Я слыхала, вы его лечили, – произнесла Мисси.

– Кого?

– Парня, на которого сейчас смотрите, вместо того чтобы заниматься пациентом.

Черт возьми, а ведь Мисси права. Но единственного взгляда на Стоуна хватило, чтобы пробудить воспоминания о грешном взоре плохого парня, скрывающего нечестивые намерения, не менее грешной улыбке и его обнаженном теле, распластавшемся в ее смотровой.

Эмма постаралась прогнать неуместные мысли.

– Он хороший мальчик, – понимающе улыбнулась Мисси. – Очень хороший.

Только вот Стоуна никак нельзя было назвать мальчиком. При мысли о том, как мало Стоун напоминал такового, Эмма ощутила сладкую дрожь во всем теле, какой не испытывала уже довольно давно.

– А еще он мастер своего дела, – продолжала Мисси.

Да уж. Интересно, насколько сложно развлекаться целыми днями?

– В прошлом году сын моей племянницы едва не угодил в колонию, – произнесла пожилая женщина. – Но оказался в походе, которые Уайлдеры организуют для трудных подростков. Ему очень понравилось. Но когда он захотел отправиться в такой поход еще раз, Стоун сказал, что не позволит этого, если тот не прекратит воровать. И Тревор исправился. Тот поход изменил его. Заставил остепениться. И это благодаря Стоуну.

Что ж. Это было совсем не в духе беззаботного парня, целыми днями развлекающего туристов.

– Женщины его любят. – Мисси принялась рассматривать забинтованный палец. – Так что не вините себя в том, что на него запали.

– Я не...

– Запали, запали, дорогуша. Вон даже слюну пустили. Но не переживайте, быть женщиной Стоуна не так уж плохо. В жизни случаются вещи и похуже.

Черт, ее уже дважды так называли.

– Я не его женщина.

– Может, стоит проконсультироваться у дока относительно перелома? – вновь спросила Мисси, продолжая разглядывать палец.

Эмма попыталась глубоко вздохнуть. Не помогло.

– Уверю вас, Мисси, я знаю, что говорю.

– Хм.

И как в одном-единственном слове этой женщине удавалось передать всю глубину своих сомнений? Этому Эмма не понимала, хотя и привыкла к подобному отношению. Четыре года в колледже хирургии и общей терапии Колумбии, ординатура в Прествитеринской больнице Нью-Йорка, два года в отделении «Скорой помощи» в больнице Бельвью – одной из самых суматошных и многолюдных в стране, – а люди все еще воспринимают ее как дочку дока, а не как компетентного врача. Эмма подвинула к себе карту Мисси, чтобы сделать запись о визите.

– Вы знали, что я была знакома с вашей матушкой?

– Нет, не знала. – В графе «диагноз» Эмма записала «вывих пальца». А про себя добавила: «Заноза в заднице».

– Она была славной женщиной. Настоящей трудягой.

Мать Эммы действительно была хорошим человеком и трудолюбом до тех самых пор, пока не умерла полгода назад. Исполненные доброты слова Мисси пробудили в душе Эммы воспоминания.

– Спасибо.

– Не знаю, почему она вдруг так изменилась. И никто не знает.

Эмма усилием воли заставила себя улыбнуться.

– Постарайтесь не опускать руку вниз, миссис Торнтон. Если появится боль, примите аспирин.

– Я хочу сказать, она как-то внезапно бросила вашего отца – лучшего из мужчин Вишфула. Странная, правда?

Эмма не собиралась отвечать на этот вопрос, но не могла не защитить мать.

– У нее были на то свои причины.

– Да, – кивнула Мисси. – Я отчетливо помню, как...

– Прошу прощения. – Эмма вновь заставила себя улыбнуться. – Но я не хочу сейчас это обсуждать. – И вообще никогда. – Я распечатаю вам квитанцию для оплаты.

– О... – На лице Мисси возникло ошеломленное выражение. – Но ваш отец всегда посылает их на дом.

Где про них благополучно забывают.

– Теперь все по-другому. – Эмма подошла к стойке, за которой должна была сидеть ее помощница. Только вот она так ее и не наняла, поскольку просто не смогла бы ей заплатить.

– Меня укусила пчела, – провозгласил возникший на пороге двадцатилетний парень. Он поддерживал поднятую вверх руку другой рукой, с гипсом на запястье. – Не могу вытащить жало. Шеф хотел отправить меня в Южное побережье, но мне не хватит бензина.

– О, а доктора нет, – произнесла Мисси. – Он все еще лечится.

– Вот бездельник.

– Доктор здесь, – поправила Мисси Эмма, с трудом удержавшись от желания стукнуться головой о стойку. – Прошу вас, проходите. Я вам помогу.

Парень вопросительно посмотрел на Мисси, ожидая одобрения, но та лишь пожала плечами, как если бы хотела сказать: «Дело твое, но я предупреждала».

Заскрежетав зубами от досады, Эмма посмотрела на гипс.

– Что случилось?

– В прошлый выходной катался на велосипеде на горе. Шнурок запутался в цепи, я упал и сломал запястье.

Гора находилась всего в трех милях отсюда. В пяти минутах езды.

– Где вам наложили гипс?

– В больнице Южного побережья.

Замечательно. Туда нужно было ехать минут сорок пять или около того.

– Мне нужен врач.

– Я врач.

– Хорошо. А вы вытаскиваете жала?

Глава 6

В тот вечер Эмма снова решила отправиться к отцу. Она везла ему очередную запеканку в надежде увидеть хоть какой-то знак, который возвестил бы о том, что ее мучения вскоре закончатся.

Отец поблагодарил за запеканку, но не показал свою медицинскую карту, чем в который раз вывел Эмму из себя.

По дороге домой разразилась настоящая буря. Ветер так раскачивал автомобиль, что Эмма задыхалась от ужаса. Достигнув границы города, она поняла, что ей необходим шоколад. Много шоколада.

Она припарковалась у единственного в городе супермаркета, где столкнулась с Мисси в молочном отделе и с Энни – в отделе круп.

Вот что значит крошечный городок.

Она как раз решала, какой из журналов купить, когда по ее спине пробежал странный холодок, как если бы ее тело неожиданно для нее самой узнало стоявшего за спиной человека.

О господи!

Эмма сразу поняла, что происходит. Она обернулась, и их со Стоуном взгляды пересеклись. Только вот парень, болтавший с Мисси, совсем не походил на неторопливого владельца туристической компании, которого она знала. Стоун стоял, облокотившись плечом о полку с витаминами, и выглядел, как отметила про себя Эмма, замечательно в свободных слаксах и простой футболке с висевшими на шее наушниками от айпода. Он не двигался, стараясь сохранить образ ленивого бездельника, которым так наслаждался.

– Док.

– Стоун.

Его губы растянулись в неспешной улыбке Чеширского кота, и он поднял руку, в которой держал пузырек с обезболивающим.

– Пришел запастись старым добрым средством.

– Вы по-прежнему испытываете боль? – спросила Эмма, все еще пытаясь решить для себя, кто он такой – любитель развлечений или святой. Скорее всего не тот и не другой. Только вот кто?

Странно, но сердце Эммы вдруг начало колотиться так, словно она пробежала несколько километров. Столь необычной реакции на пациента она не испытывала еще ни разу в жизни.

Только вот это был не просто пациент.

Просто удивительно, что голос матери начинал звучать в ее ушах в самый неподходящий момент. Вот как сейчас: «Он любимец женщин, дорогая. Не обращай на таких внимания. Такие, как он, вырвут твое сердце и втопчут в землю».

О, ради всего святого. Эмма вновь посмотрела на Стоуна. Разве он действительно представляет для нее опасность?

– Как вы себя чувствуете? – спросила она, поскольку Стоун не ответил на предыдущий вопрос.

– Лучше. И хотел вас поблагодарить.

– За что?

– Во-первых, за медицинскую помощь.

– Без проблем.

– Во-вторых, за то, что помогли с Лайлой.

– И снова – без проблем.

– И в-третьих – и, наверное, это самое важное, – за то, что не поколотили меня битой. Эмма почувствовала, как ее губы растягиваются в улыбке.

– Вам повезло.

Эмма двинулась к овощному отделу: не могла же она просто схватить несколько плиток шоколада прямо на глазах у Стоуна, – поэтому взяла с полки и положила в корзину ветку винограда, хотя совсем его не любила.

Стоун подошел немного ближе, заставив Эмму еще более остро ощутить близость его большого мощного тела, от которого исходил восхитительный аромат.

Между стеллажами с продуктами появилась женщина с четырьмя детьми, которые кричали, толкались и тыкали друг в друга игрушечными саблями. С неловкой улыбкой женщина попыталась пройти мимо, но при виде Стоуна остановилась.

– Ой, привет, – с дружеской фамильярностью в голосе произнесла она. – Хотела поблагодарить тебя за футболки. Дети от них просто в восторге.

Стоун улыбнулся в ответ и, подхватив на руки одного из детей, пытавшегося забраться на сетку с бананами, поставил его рядом с матерью.

– Не благодари. Рад, что тебегодились. Элис, это...

– Доктор Синклер, – закончила Элис. – Я о вас слышала. Как себя чувствует ваш отец?

– Ему лучше. Спасибо, – ответила Эмма, надеясь, что это действительно так.

– Замечательно. – Еще раз улыбнувшись Стоуну, женщина двинулась дальше в окружении ребятишек.

– Мы учились в одном классе, – пояснил Стоун, продолжая следовать за Эммой.

Продавщица, раскладывавшая на полках пакетики с супом, одарила Стоуна полной надежды улыбкой, в которой читалось скрытое приглашение.

– Привет, Стоун.

– Привет, Тина, – дружески произнес Стоун. – Как Дэнни?

– О, я больше с ним не встречаюсь. – Вскинув голову, она оглядела Стоуна с головы до ног. Тина смотрела на него так, как очень голодный человек смотрит на аппетитное блюдо. – Я записалась на еще один урок по скалолазанию. Попросилась в твою группу.

Тихо засмеявшись в ответ, Стоун покачал головой.

– Теперь этим занимается Кен.

– В самом деле? Но, может быть, ты сделаешь для меня исключение?

– У меня слишком напряженный график.

– Проклятье!

– Бывшая? – сухо спросила Эмма, переходя в следующий отдел.

Стоун сунул руки в карманы.

– Что-то вроде того. Встретились один раз.

Ну конечно. Сказав себе, что ей нет никакого дела до бывших Стоуна, Эмма направилась к кассе мимо отдела с замороженными продуктами. Красивая брюнетка в белой майке и черной юбке рассматривала упаковки с замороженным горошком. Эмма совсем не удивилась, когда и она поприветствовала Стоуна. Правда, без улыбки.

– Привет, Уайлдер.

– Серена.

– Передай Энни, что ее пироги готовы.

– Передам.

– А своему брату передай, я очень надеюсь, что новая подружка Китти скоро его бросит.

– Она теперь невеста, – произнес Стоун.

– Знаю. Но если ей повезет, она одумается вовремя. – Оценивающе посмотрев на Эмму, девушка двинулась прочь.

Стоун повернулся к качавшей головой спутнице.

- Вы трое что, единственные парни в городе? – спросила Эмма.
- Неа. – Стоун криво улыбнулся. – Но о нас почему-то сложилось такое мнение.
- Почему-то? Хм.
- Это началось несколько поколений назад.
- В самом деле?
- Да, мой прапрапрадед завел роман с Джесси Джеймс и закончил свои дни в драке в баре. Это и стало началом легенды. Во всяком случае, так говорят.
- Легенды?
- Да, о том, что мужчины Уайлдеры долго не живут.
- Эмма видела, как Стоун пожал плечами, словно эта информация не имела для него никакого значения. Однако выражение глаз говорило об обратном, и вся веселость Эммы тут же улетучилась.
- С таким наследием непросто жить.
- Но несколько поколений Уайлдеров справлялись.
- А как насчет нынешнего поколения?
- Стоун бросил на Эмму удивленный взгляд, как если бы не ждал от нее проявления интереса, но она знала, что такое жить ожиданием. Ее мать, бесспорно чудесная женщина, возлагала огромные надежды на свою единственную дочь, и с таким грузом жить было непросто.
- Пока ждем, – ответил Стоун.
- Интересно. Они направились к кассе, где Стоун поздоровался еще с парочкой посетителей магазина.
- Здесь все друг друга знают, – пробормотала Эмма, выкладывая на ленту покупки и с вождением поглядывая на шоколадные батончики, лежащие рядом с батарейками. – Я чувствую себя так, словно нахожусь в Мэйберри³.
- Да. Можно и так сказать. Что же касается того, что вы чувствуете себя здесь не в своей тарелке, это можно исправить.
- Каким образом?
- Стоун посмотрел на Эмму.
- Мы могли бы сходить куда-нибудь.
- Сходить, – повторила Эмма, и ее пульс заметно участился.

³ Мэйберри – крошечный городок с одним светофором из телевизионного шоу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.